

4 (2 Рос. 6 Яма)

4-81

Н. Дудников

МИНИСТЕРСТВО
ТЕЛЕГРА

ИЗДАНИЕ	1889
ГОД	1889
М. П.	

ОИЯ

белый репортаж

РОССИЯ

черно

84(2Рос: 69та)

Д-81

Н. Дудников

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ РЕПОРТАЖ

- 667 - ас

ГУ «Национальная
электронная
библиотека ЯНАО»

ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север»
Салехард
2005

ББК 84 (2Рос=Рус)6
Д 81

Д 81 Дудников Н. Ф.
Черно-белый репортаж. — Салехард:
ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север»,
2005. — 112 с., ил.

ISBN 5-93298-062-х

© Департамент информации
и общественных связей ЯНАО
© ГУП ЯНАО «Издательство
«Красный Север», 2005
© Дудников Н. Ф., 2005

ОТ АВТОРА

Каким бывает счастье? Можно философствовать до бесконечности. А я наберусь смелости сказать, что мое счастье заключается в том, что в раннем возрасте связал свою судьбу с журналистикой. И как поется в песне: «Если б снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти».

Почему? Потому что любимая, один раз и навсегда выбранная профессия позволяет мне постоянно быть в самой гуще событий, доносить до читателя заслуживающую внимания информацию и по возможности влиять на решение проблем.

В личном плане журналистика позволяет мне забывать о трудностях. Служит спасательным кругом в море проблем, которые щедро подбрасывает жизнь.

Так уж получилось, что сначала меня ненадолго приютил детский дом. А потом взял на воспитание брат моей матери - Конев Иван Семенович. Лет пять я жил в его семье, затем для продолжения образования отдали меня в Салехардское медицинское училище, в котором я, как сирота, мог рассчитывать на полное государственное обеспечение. Но после двух лет учебы оказалось, что медицина - не мое призвание. И опять выручил дядя. Он к тому времени с семьей переехал в Салехард и работал помощником капитана в техучастке, на самоходке «Путейский-77». Каким-то образом приписав мне два года, не достающих по флотским требованиям, устроил к себе матросом. Видимо, работал я неплохо, если через навигацию перевели рулевым-мотористом на теплоход «Лоцмейстер Шалгин». Кстати, в моем архиве сохранилась фотография Ивана Ивановича Сычева, которую он сделал для «Красного Севера». На ней я сижу в середине экипажа и как политинформатор читаю свежие новости. Но почему-то с закрытым ртом.

Думал ли я навсегда остаться на флоте? Может. Потому что уже было сделано новое заманчивое предложение стать мотористом с дальнейшим обучением на механика в экипаже большего морского судна «Лиман», обеспечивающего навигационной обстановкой от устья Оби до Карского моря. Но уже тогда было желание писать стихи, рисовать. И я поступил на факультет живописи заочного отделения Московской студии народного творчества имени Надежды Крупской. А стихи стали печататься в «Красном Севере». Обратив на это внимание, начальник техучастка Николай Федорович Шнягин посоветовал попробовать силы в журналистике.

Так, вначале в газете «Речник Иртыша», а потом в республиканской газете «Водный транспорт» появились мои короткие за-

метки о флотской жизни. Но, как известно, навигация на Ямале длится каких-то три-четыре месяца, а что же делать остальные восемь? Только удовлетворять потребность в новом и все затягивающем деле.

Как-то после заседания литературного объединения в редакции «Красного Севера» я подошел к высокому мужчине с черными кустистыми бровями, удлинённым лицом и крупным носом. Это был заместитель редактора газеты Олег Дмитриевич Вильчевский.

- Какой-то вопрос имеется? - дружески обняв меня за плечи, поинтересовался он.

- Можёт, дадите какое-нибудь задание?

- Может, - засмеялся он. И повел меня за собой. Мы поднялись по ступенькам, прошли по небольшому коридору, потом снова по ступенькам спустились вниз и уткнулись в двери приемной. Справа был кабинет редактора Любви Гавриловны Баженовой, а слева, у окна, были двери к Вильчевскому.

Необычность устройства здания с наличием множества лестниц и коридоров, видимо, объясняется тем, что во времена сталинского ГУЛАГа в нем располагался Дом культуры. А потом уже, в самом конце прошлого века, на его втором этаже и третьем, если так можно назвать поднятие под самым потолком здания, редакция неоднократно перестраивала кабинеты, пристраивала новые.

Открыв широкую дверь, Олег Дмитриевич повел рукой в сторону целого ряда стульев, прижавшихся к стене, как бы предлагая: «Садись куда хочешь». Я робко присел на крайний стул и осмотрелся. В те времена обстановка служебных кабинетов была более чем скромной. К столу зама жался небольшой приставной столик. Напротив, в левом углу, стоял шкаф с книгами. Рядом тумбочка, на которой в граненом графине желтела вода. А королем рабочего стола Олега Дмитриевича являлся массивный телефон черного цвета с круглым диском. И тут же, у самого краешка, только что входивший в моду вместо круглых настенных тарелок небольшой радиоприемник проводного вещания.

- Ну все осмотрел? - улыбаясь поинтересовался Вильчевский. И, придвинув ко мне справочник телефонов, подчеркнул ногтем название организации - «Горпромкомбинат».

- Вот пойдешь туда и напишешь репортаж.

От растерянности и удивления я не знал, что ответить. Ну, написать информацию, или на обычном языке заметку, попробовать можно было. Но репортаж!

- Что-то непонятно? - заметив мое замешательство, поинтересовался Вильчевский.

Я признался, что даже не имею представления о чем идет речь и вряд ли у меня получится.

- Получится, - подбодрил замредактора. - А репортаж - это пишешь о том, что видишь. То есть лучшим цехом на комбинате, насколько я знаю, является столярный. Вот ты туда заходишь. Представляешься как внештатный корреспондент газеты и просишь начальника цеха провести по производству. И в ходе этой экскурсии заносишь сначала в блокнот весь антураж, или, как светят лампочки, гудят станки, золотится стружка. Начальник подводит к передовику производства, и ты описываешь, над чем он сейчас работает и на сколько процентов выполняет норму выработки. Вполне уместно будет хотя бы вкратце пробежаться по биографии своего героя. Можно немного сказать и о проблемах. Но только немного. Потому что репортаж - это жанр, чаще всего, с положительной смысловой нагрузкой.

Через пару дней я принес в редакцию свое творение. Вильчевский склонился над ним с красным карандашом и начал править. А точнее будет сказать, переписывать так называемый репортаж. В итоге строчек, написанных фиолетовыми чернилами, стало меньше, чем красных. Потому что часть их была просто безжалостно зачеркнута, а другая поправлена и дописана.

Я не знал, куда деваться от стыда. А Вильчевский, закончив трудиться, к моему удивлению, произнес:

- Знаешь, для первого раза совсем неплохо.

- Но... - пытался я возразить.

- А с красным карандашом твои информации, репортажи, а в будущем, возможно, более серьезные жанры, как очерки, постановочные серьезные статьи, будут дружить еще долго. Надеюсь, понял меня?

Чего уж тут было не понять. Если профессия «журналист» и все, что за ней стояло, являлось для меня тайной за семью замками, и чтобы подобрать для них ключ, требовалось многое узнать, многому научиться.

- А теперь, - все так же с несколько преувеличенным оптимизмом в голосе улыбнулся Олег Дмитриевич, - неси свое творение машинистке Вале Рочевой, а затем вычитаешь и в секретариат.

Ответственным секретарем в те времена был Георгий Иванович Тутолмин. Среднего роста, худощавый, он так же, как фотокорреспондент Виктор Рочев, не снимал в редакции с головы беретку. Взгляд его был изучающим, а нижняя губа пренебрежительно оттопырена. Тутолмина некоторые журналисты откровенно боялись. Еще бы! Он являлся той инстанцией, которая запросто могла вернуть материал на доработку или снять его с номера. Уж я-то от этого строгого дядьки, как, впрочем, и от сменившего его позже Александра Мироновича Сушеного, натерпелся по горло. Но как потом был благодарен за их университеты!

Не помню, сколько точно выполнил я заданий Вильчевского, но однажды в разгар навигации 1965 года редактор газеты Любовь Гавриловна Баженова приняла самое значимое для меня решение, оформила на работу в «Красный Север».

Кстати, в те времена руководители изданий были скромнее. И приставкой «главный», которой болеют сейчас даже редактора обычных многотиражек, не имели привычки себя возвеличивать. За этой, если хотите, нескромностью людей я усматриваю снижение требовательности к подбору и подготовке кадров. И какой же он «главный», если не может правильно поставить задачу, его сотрудник ее профессионально выполнить.

Возьму такой пример. Лет пять-шесть назад, когда «Красным Севером» руководила некая особа, я обратился с просьбой к фотокорреспонденту редакции сделать для моего материала «Поез-

да идут по сталинке» несколько снимков. Надо отдать должное, парень подготовил их оперативно. Но, ознакомившись с фотографиями, я пришел в редакцию и вернул их обратно. Главный редактор и фотокорреспондент этому немало удивились.

Чем же мне, действительно, не понравились снимки? Элементарным. Автор снял грязный, покрытый ржавчиной тепловоз и посчитал, что его миссия выполнена. Но это глубокая ошибка.

Специалист данного профиля своему коллеге, работавшему пером, должен был помочь доказать читателю, что поезда идут по дороге, построенной еще заключенными ГУЛАГа. И ржавый тепловоз, которых из-за дефицита средств в России пруд-пруди, тому не доказательство. Необходимо было «зацепить» объективом название станции, построенной заключенными в сталинские времена. Или хотя бы, в конце концов, физиономию надымского машиниста, выглядывающего из кабины поезда, проходившего мимо станции.

Итак, я немного отступил от воспоминаний о первых шагах в «Красном Севере». Но, возможно, есть смысл дать документальную вставку Любови Гавриловны Баженовой, которой со стороны было виднее, как я в действительности начинал.

«Коля пришел к нам совсем мальчишкой, без образования и профессии. Кто-то называл его «сыном полка», а вначале он, скорее всего, был мальчиком на побегушках. Спустить, поднять из типографии полосу, отнести материалы в корректорскую, вот что ему на первых порах поручалось. А официально я его оформила подчитчиком.

Колю опекали все. И у меня радовалась душа, когда я видела, как он быстро схватывает уроки старших своих коллег. Поэтому, возможно, через какой-то год в его трудовой появилась новая запись - корреспондент. Это означало, что в свою семью мы его приняли окончательно. Но на достигнутом останавливаться было нельзя. И когда речь зашла о возрождении радиовещания в Приуральском районе, на его кандидатуре остановились, как на наиболее подходящей.

Затем были у Николая Федоровича окружное радио, «Тюменская правда» и, наконец, «Российская газета». Могу сказать, ни-

кто из наших окружных журналистов такой высоты не достигал. И горжусь тем, что первые уроки становления как профессионального журналиста Николай Федорович получил в газете, которой долгие годы посчастливилось руководить мне».

В кабинет меня посадили к Ивану Антоновичу Юганпелику – редактору окружной газеты на ненецком языке.

Вернувшись с Великой Отечественной с протезом вместо ноги, Иван Антонович всю боль, казалось бы, похоронил внутри себя. И всех очаровывал своей доброй улыбкой. А еще талантом. На первый взгляд простые, незатейливые его стихи были сложным и искренним объяснением любви северу.

- Коля, тебя к редактору, – ответив на телефонный звонок, сообщил мне Иван Антонович.

Мое приобщение к журналистике Любовь Гавриловна решила начать с повышения моей эрудиции и общеобразовательного уровня. Покрутив в руках удостоверение о восьмиклассном образовании, эта красивая и добрая женщина вдруг стала строгой и решительной.

- Вот что, парень, осенью ты у нас пойдешь учиться в вечернюю школу. А пока будешь у корректоров подчитчиком и приемщиком сообщений ТАСС.

Где-то часов в одиннадцать утра ответственный секретарь получал из типографии полосы и критически их осматривал. Обрубал хвосты или, наоборот, иногда просил журналистов дописать несколько недостающих строк. Потом делался оттиск, который я относил корректорам. Одной из них, помню, была Валентина Николаевна – жена Тутолмина. Я читал ей оригиналы материалов, а она сверяла их с оттиском на полосе.

Летом залитый солнцем кабинет, из окон которого как на ладони были видны санаторно-лесная школа, общежитие педучилища, автобаза и гулаговские бараки, превращался в подобие раскаленной сковородки, а зимой чернила замерзали. И Иван Антонович, прижавшись к гармошке едва теплых батарей, в очередной раз рассказывал мне какую-нибудь забавную северную историю, которых знал множество.

Но кроме холода, как теперь говорят, доставало и отсутствие хорошего света. И если я имел дело с оригиналами материалов, где буквы крупнее, то корректора, чтобы рассмотреть мелкий газетный шрифт, чуть не носом касались полосы, до боли, до рези напрягая глаза. Попытки ставить лампы мощнее ни к чему не приводили, свет оставался по-прежнему желтым и слабым, таким его выдавала городская электростанция.

Как я уже говорил, помимо подчитки полос, мне поручили принимать материалы ТАСС. Необходимость была вызвана тем, что по почте они шли долго и теряли всякую актуальность.

Георгий Иванович, а в данном случае, оказывается, идея принадлежала ему, дал мне короткий инструктаж:

- Будешь являться каждый день поздно вечером в мой кабинет и включать «Родину». На волнах, которые я сегодня узнаю и скажу тебе, передают новости для газет страны.

Как потом оказалось, обязанности подчитчика были намного проще. Во-первых, теперь мне каждый вечер, кроме воскресенья, приходилось тащиться в редакцию и, покручивая валик настройки радиоприемника, искать нужную волну, а потом вслед за диктором записывать сообщения. Но иногда он съедал окончания слов или их заглушали помехи. Впрочем, это еще было полбеды. А вот что касалось иностранных слов и особенно названий газет, агентств, фирм, тут я вставал в тупик. Да что я! Порой никто в редакции не знал, где искать их правильное написание.

Помогли мне выпутаться из этой истории и похоронить идею Георгия Ивановича два обстоятельства. Первое, ближе к весне из-за постоянных штормовых ветров исчезла проходимость, и на нужной волне вместо голоса диктора доносилось сплошное шипение. Второе, начинался сезон отпусков и небольшое количество сотрудников сократилось до минимума. И однажды на планерке Георгий Иванович заявил, что портфель редакции практически пустой. После небольшой паузы слово взяла Любовь Гавриловна.

- Видимо, пора переводить Дудникова из подчитчиков в корреспонденты и отправлять в командировку.

- Куда? - поинтересовался Тутолмин.

- Хотя бы по рыбакам.

- А что, - слышался голос Олега Дмитриевича. - Родом он из Шурышкарского района. Знает, как рыбу ловят. Так что репортажи и зарисовки о передовиках промысла у него должны получиться.

Я от радости был на седьмом небе. Еще бы! Меня посылают в командировку - значит надеются, что выйдет толк. А еще я безмерно был благодарен Любове Гавриловне, от которой в самом прямом смысле зависело мое продвижение по службе. Кстати, сейчас Любовь Гавриловна живет в Новом Уренгое и как по возрасту, так и по творческому стажу превосходит всех своих коллег на Ямале. Это одно из обстоятельств, которое заставило меня обратиться к нашему старейшине с просьбой поделиться воспоминаниями о «Красном Севере» шестидесятых годов прошлого века.

«В 1944 году Салехардский горком ВКП(б) утвердил меня, как активную комсомолку, уполномоченной облрадиокомитета по Ямало-Ненецкому округу.

Чтобы обеспечить ежедневное вещание в течение 20 минут, пришлось не только сплотить вокруг себя авторский актив, но и как-то добывать свежую союзную информацию, особенно сводки Совинформбюро. Обратилась в окружную газету «Няръяна Нгэрм», она в то время выходила на двух полосах три раза в неделю. Редактор Владимир Иванович Песков разрешил мне принимать по их радиоприемнику сообщения ТАСС, которые велись с часу ночи до пяти утра для городских и районных газет. (На определенной волне диктор замедленно читал текст.) Редакция, естественно, была довольна, ей не пришлось принимать в штат лишнего человека. И мне было хорошо. Ведь отныне в передачах стала присутствовать информация, которую больше всего ждало население, - события на фронтах.

Так я вошла в коллектив газетчиков. И никогда не думала, что останусь с ним на всю жизнь, до пенсии.

В 1947 году уехала в Тобольск, а в 1949 году окончила с отличием Учительский институт. При распределении попросилась об-

ратно в Салехард, хотя в то время имела возможность с красным дипломом сама выбрать любую престижную школу в любом городе. Потянуло в родные края.

В Салехарде только зашла в горком, сказали срочно зайти в окружком, просил Валерий Михайлович Иванов. Он меня хорошо знал и попросил хоть три-четыре месяца поработать в газете, так как там совсем не было работников. Один редактор Григорий Назарович Скрипунов и литработник Лиза Бершимбаева. Да был еще демобилизованный из армии Валентин Баранкин, но он попивал частенько.

В. М. Иванов, помню, сказал: «Помоги им хоть немного, а в школе мы тебе всегда найдем хорошее место».

Г. Н. Скрипунов принял меня на должность ответственного секретаря. Потом я работала заместителем редактора. Но это уже с Г. С. Дударевым. Его в 1962 году избрали секретарем Шурышкарского райкома КПСС, а меня утвердили главным редактором. Но в газете я подписывалась просто - редактор.

Редакция не была укомплектована кадрами. Их всегда не хватало. Из трехразовой однополосной она где-то с 50-х годов, точно не помню, стала выходить пять раз в неделю на четырех полосах и один раз в неделю дублировалась на ненецком.

Занимался дубляжем Иван Григорьевич Истомин. Он творчески перерабатывал публикации и на понятном для ненцев языке доносил до них события в округе. Справедливости ради надо сказать, что труд этого поистине человека-легенды часто тратился впустую. Так как читать местное население еще не умело, да и газета не всегда доходила до чума. Я раз даже ахнула, когда увидела в одной колхозной конторе пачки национальной газеты, которая должна была быть где-то в глубинке. Председатель объяснил мне: просто если кто-то из ненцев умеет читать, то читает на русском. Но тогда в тундре таких было очень мало. Это теперь душа радуется, когда видишь, какие образованные национальные кадры появились в округе!

И. Г. Истомин, искалеченный в детстве полиомиелитом, кроме таланта журналиста, писателя, поэта, художника, обладал не-

обыкновенной силой характера, высокой трудоспособностью, огромной волей. Был душевным и отзывчивым человеком, прекрасным семьянином.

Истомин, Юганпелик, Лапцуй постоянно выступали в газете со стихами, оживляли литературную страницу.

Истомин много делал для становления национальной творческой интеллигенции. Благодаря ему в газете стали появляться новые имена: Р. Ругин, М. Шульгин, П. Салтыков.

Ольга Бодрова (Бетехтина) работала в газете в 50-х годах. Интересная личность, но довольно замкнутая в себе. В коллективе отличалась добропорядочностью. Чувствовалось благородное воспитание, образованность, начитанность.

В работе у Ольги был перерыв. Он ей потребовался для воспитания детей. Потом снова пришла в редакцию корректором.

Трудно приходилось с любителями зеленого змия, которые срывались в самый неподходящий момент. Но все были способными журналистами: Юрий Зимин, Иван Вихрев, Иван Сычев, да и многие другие. Бог им судья. Все равно добрые были люди. Каждый со своими минусами и плюсами, со своим характером. Помню Юрия Седельникова. Водку он не пил, но к девяти утра никак не мог явиться на планерку. Я его понимала. Работал ночью и к часам одиннадцати-двенадцати приносил или фельетон, или другую публикацию на злобу дня. Всегда достоверную, обоснованную, острую. Но прежде чем положить на стол материал, Седельников, иногда маршируя по моему кабинету, долго и с возмущением доказывал, что его жена Лона что-то ему не так сказала или не так подавала завтрак. Тогда я начинала говорить, что Лона у него замечательный человек, что она его любит и уважает. Он тут же соглашался и включался в работу.

Любвеобильный Арлекин Землянушин умел подать в газете моральную тему, хотя сам в этой «морали» запутался по уши. То женился, то разводился, то любовницы за ним ходили гуртом и в конце концов все направлялись ко мне с жалобами на Арлекина.

Александр Суший – обаятельный, умный. Интересный рассказчик, охотник, рыбак. Любую проблему превращал в шутку.

С ним было легко в общении, но строчки выдавал с трудом, хотя писать мог. И еще. Саша был хорошим товарищем, умел дружить. Мне он много доверял. И до сих пор храню его тайны.

Не могу вспомнить, как пришел в газету Виктор Рочев. Кажется, его привел Новомир Патрикеев во время очередного загула И. Сычева, которого собирались уволить.

Витя был еще молодым человеком, но подавал большие надежды. В детстве он переболел тяжелой болезнью и по этой причине не учился в школе. Фотоделу его выучили два немца, эвакуированные во время войны из Ленинграда и квартировавшие в их семье.

Виктор прекрасно владел аппаратом, умел сделать снимок и дать в газету то, что ей в тот момент было нужно. Единственно, что он не мог сам написать текстовку. Но в голове держал всю богатую информацию, и коллегам благодаря этому не составляло большого труда подготовить подпись под снимок или под целый репортажный сюжет Рочева.

Иван Сычев был, как говорят, мастером от бога. Тоже рано ушел из жизни, так и не осуществив свои мечты о персональных выставках, грандиозном фотоальбоме.

Сколько раз, помню, говорили об этом с Иваном Ивановичем, но проклятый зеленый змий рушил все планы.

В снимках Сычева отражено становление Ямала, экономики, самобытной культуры, открытие первых подземных кладовых нефти и газа. В округе не было уголка, где бы не побывал этот фотокор. Где теперь его прекрасные, талантливые работы, не знаю.

Георгий Никитин, прежде чем прийти в окружную газету, собкорил в «Тюменской правде», но и тогда уже помогал нам, постоянно делился информацией, готовил специально для «Красного Севера» публикации. Губила его часто «правда», которую по пьянке мог высказать в глаза любому, не считаясь с его должностью и положением».

...На трамвайчике, крохотном пассажирском теплоходе, где все места были сидячие, но, правда, имелся буфет, мы с фотокором Виктором Рочевым отправились в путь-дорогу до Горок.

А обратно через пару дней планировали спуститься до Салехарда на пэтээсках, так называют до сих пор приемно-транспортные суда.

Здесь в дополнение к воспоминаниям Баженовой мне хочется еще несколько слов сказать о Викторе Рочеве. В своем деле это был необычайно талантливый человек. Имея за плечами, по сути, только начальное образование, он затыкал за пояс композиционным построением съемки, умением схватить неповторимый миг многих маститых фотокоров Тюмени и даже Москвы. Его работы, снятые примитивными дешевенькими фотоаппаратами «Любитель», «Смена», а чуть позже «Зенит», брали центральные газеты и журналы. Особенно мне врезалась в память серия снимков об оленеводах. Рочев сумел на пленке с полной достоверностью запечатлеть их нелегкие будни, наполненные заботой о сохранении совхозного стада.

Директор Горковского рыбозавода Александр Николаевич Махнев, крупный, немногословный мужчина, нашему приезду не особо обрадовался. Окинул меня откровенно ироническим взглядом, в котором можно было прочесть: «Прислали какого-то юнца. Что он может понимать в путине?». Но на вопросы мои все же ответил. Больше того, провел на «выход». Так раньше на обских рыбозаводах назывался пирс, причал, к которому приваливали буксирные катера и рыбоприемные плашкоуты.

Но в полном понимании «выход», пропахший солью, рыбой, прогорклым рыбьим жиром, объединял в себе обязательно ледник, склад ящичной тары, цех обработки рыбы, где она распарывалась, промывалась и загружалась в огромные чаны для посола или, сохраненная в первичном состоянии, согласно технологии, укладывалась в деревянные ящики, пересыпалась льдом и грузилась на изотермические плашкоуты. Что это такое? Больших размеров деревянные биржи с сооружением сбоку рубки, очень похожим на ветряную мельницу. Но в данном случае ветер, вращая лопасти-вертушки, помогал выкачивать из трюмов воду, образующуюся от таяния льда в ящиках.

Обо всем этом, как и в целом о процессе рыбодобычи, я имел смутное представление, а сейчас появилась возможность познакомиться основательно.

Мы наблюдали, как плывут бударки и в конце плава рыбаки выбирают сети. Виктор неустанно щелкал фотоаппаратом, а я вносил в блокнот все новые и новые записи, восхищаясь картиной обской путины. Вот кормплавич дает сигнал весельщику, и тот разворачивает бударку кормой к байдону - маленькому бочонку, обозначающему конец провязов. Секунда, и бочонок уже в лодке, а в руках кормплавича сеть. Она пенится и блестит от «живого серебра», так с легкой руки журналистов называют в наших газетах рыбу. Преобладает в улове муксун, но иногда, мощно натянув сеть и обдав Алексея Степановича Маркова фонтаном брызг, появляется из глубин осетр. «Однако знатный кормплавич, - как я позже напишу в своем «многосерийном» репортаже, - всегда начеку. Ловким движением крючка на короткой деревянной ручке поддевает его под жабры и осторожно затаскивает в бударку, а затем сразу же одевает на осетра кулан и опускает обратно за борт, в родную стихию. К чему такие нежности?

- Не нежности, а требование технологов, - поправляет меня Алексей Степанович. - По их мнению, чтобы «корявый» не терял сортность, его необходимо везти на Салехардский рыбокомбинат в специальных «живоробницах».

И вот командировка закончена. Восхищение увиденным, огромный запас информации практически вылились в хаотичное нагромождение фраз и предложений. Указав на эти минусы, Вильчевский, щадя мое самолюбие, выкопал и плюсы. В числе их «картинки», то есть согласно жанру описание природы и процессов рыбодобычи, попытка пока не умело, но все же зарисовать на этом фоне людей и рассказать о проблемах, правда, не указав, как от них избавиться.

Другой бы, раскритикованный в пух и перья, бросил все и ушел. А я не мог. Взяло верх настырное желание доказать себе и другим, что не боги горшки обжигают.

Сам того не понимая, какую роль должны будут сыграть в достижении цели командировки, я поставил на них. И как много лет спустя писал в книге «Их приворожил север» Валерий Камитов: «Дудников не вылезал из командировок. И весь округ проползал на пузе». Что же, так и было. Одетый во что попало, а приобрести дефицитную шубу и унты без связей не представлялось возможным, и к тому же они просто были не по карману, я, естественно, мерз, болел, но в кабинете задерживался ненадолго. Благодаря этому все больше «влезал» в рыбную промышленность и оленеводство, геологию и газодобычу, транспорт и строительство. Естественно, постоянные дороги не могли быть без приключений, имеющих перспективу закончиться не лучшим образом.

Помню, не доезжая до Усть-Юрибея, нас с Александром Лаптандером накрыла пурга. Александр, как это принято у ненцев, сначала решил с ней потягаться. Низко наклонившись над передком нарт, стал смотреть на снежные заструги, создаваемые ветром, и, помня прежнее положение снежного ландшафта, как по компасу шел к фактории. Но вскоре низовая метель переросла в шторм. Олени встали. Перекрывая вой ветра, возница прокричал:

- Мы потеряли дорогу. И чтобы не уйти в иной мир, надо переждать непогоду в «куропачьем чуме».

О таком чуме мне приходилось только слышать, а жить представлялось впервые.

Низко нагибаясь над землей, Александр притянул оленей к нартам и накрепко привязал вожжичку. А потом скомандовал:

- Садимся у нарт спиной к ветру, и пусть нас заносит снегом.

Шипя и завывая, ветер вскоре сделал свое черное дело. Осторожно, чтобы не развалить сомкнувшийся над нашими головами «куропачий чум» и создать общее пространство, Александр пригнул снег. И тут же полюбопытствовал:

- Не замерз?

Одетым в кисы и малицы, нам было тепло и даже становилось жарко.

Это обстоятельство, оказывается, стало беспокоить Александра.

- Понимаешь, в нашем «помещении» становится все меньше воздуха. Из-за этого, чувствуешь, как клонит ко сну? Чтобы не задохнуться, а потом и не превратиться в ледышку, я буду крутить в руках хорей, и по дырке от него станет постоянно поступать свежий воздух. Потом покрутишь хорей ты. И смотри, дремать можно, но спать нежелательно!

В «куропачьем чуме» мы жили сутки, потом ветер стих. Выбравшись из-под снега, поехали к Усть-Юрибею, который оказался в каких-то семи-десяти километрах.

Помню, на рыбоугодье Халмер-Яха в Тазовском районе я рисковал застрять до самой навигации. Связавшись по рации с начальником отдела добычи рыбозавода Владимиром Ильичом Токаревым, попросил его помощи. Тот также по рации дал команду бригадиру рыбаков, и вскоре меня познакомили с Нельмой Салиндером.

- Пойдем попьем чай и поедем, - предложил он.

«Да какой чай!» - хотел возмутиться я, но помня, что в чужой монастырь со своим уставом не входят, подчинился.

Мы, обжигаясь, пошвыркали черный напиток, заваренный плиточным чаем. Потом Нельма снял рубашку и на голое тело надел малицу.

«Зачем это он? Не связано ли это с опасностью провалиться под лед?» - подумал я. Однако ни о чем Нельму спрашивать не стал.

Не помню, сколько мы переваливали через Тазовскую губу. Я, уже забыв об опасности, равнодушно смотрел на лед, на котором местами блестели лужи, змейками разбегались трещины. Ждал, что скоро появится Находка, а вместо этого на горизонте обозначилась одинокая черная точка, которая через двадцать-тридцать минут превратилась в несколько нарт, доверху заваленных осетрами. Вот нарты остановились, и их хозяин после традиционного «Ани торово!» жестом показал на свой груз.

- Еще в начале зимы обещал привезти оленеводам.

- А что так долго тянул? - поинтересовался Нельма.

- План выполнял, - засмеялся рыбак и, подняв подол малицы, извлек из-под нее початую бутылку спирта.

- Давай, Нельма, лучше выпьем.

Предложили и мне, но я отказался. Тогда мужики уселись прямо на лед и стали из горлышка попивать спирт, закусывая снегом.

Мое терпение уже готово было лопнуть, но этого не произошло. Потому что, как сейчас говорят, Нельма процесс контролировал.

В очередной раз приложившись к бутылке, проворно вскочил на ноги и объявил:

- Все, нам и тебе пора. Иначе, сам знаешь, с ледоходом шутки плохи.

Хозяин бутылки без слов согласился. И мы тут же разъехались в разные стороны.

К утру Нельма привез меня в Находку и, не приняв моего предложения хотя бы чуть-чуть отдохнуть, отправился в обратную дорогу. А меньше чем через сутки на Тазовской губе началась подвижка льда. И у меня перед глазами сразу же возникли пятеро ребятишек Нельмы. Не помня себя от испуга, я долетел до дома начальника рыбоучастка и попросил сейчас же связаться с Токаревым. И, к радости моей, оказалось, что Нельма на два часа успел опередить ледоход.

Проработав несколько лет в «Красном Севере», я решил уехать из Салехарда. Подтолкнули к тому жизненные обстоятельства. А заключались они в том, что мы с младшей сестрой Тамарой решили уйти из-под опеки дяди. В общем, захотели самостоятельности.

В отделе пропаганды окружкома партии мне предложили работу в тазовской районке, а Тамара устроилась в библиотеку.

Редактором газеты был Аркадий Павлович Платонов, которого за глаза, согласно прежней записи в трудовой, звали «инспектором по грибам и ягодам». Он далек был от журналистики. Но, руководствуясь установками, получаемыми из райкома партии,

учил тому, чего не знал сам. Впрочем, за свою жизнь мне много раз в редакционных коллективах приходилось сталкиваться с такого рода «спецами».

Один из сотрудников газеты – Саша Шевченко откровенно редактора не переваривал, а поэтому часто лез на рожон. Игорь Вдовенко, который был еще «зеленее» меня, пытался больше молчать. Но глаза, глубоко запрятанные под густыми черными бровями, при виде редактора усмехались.

Женская половина «Советского Заполярья» Платонова сильно побаивалась. Почему? Потому что женщины были слабостью Аркадия Павловича.

Что касается меня, то я был благодарен редактору за тесную комнатуху в полуразваленном бараке. Это, по крайней мере, несколько лучше, чем каюта на буксирном катере, в которой, не будь Платонова, нам с сестрой, возможно, пришлось бы зимовать. А в остальном он был для меня просто начальником, не имеющим понятия, как писать очерк или проблемную статью. Так что оставалось только заниматься самообразованием и методом проб и ошибок овладевать жанрами журналистики.

Впрочем, я может слишком суров и категоричен в отношении редактора. Платонов умел по некоему шаблону катать передовые. В них сначала давался анализ дел в отрасли, и при малейших плюсах они непременно приписывались райкому партии, умеющему мобилизовывать и руководить. Затем назывались имена передовиков. И, наконец, шел призыв – делать, как они.

В общем и целом наша газета была копией других газет округа. И все потому, что кресло редактора в них занимали часто люди случайные. Единственно, что от них требовалось, – красная книжечка коммуниста. А не имеющему ее закрывалась вся перспектива на рост, продвижение по службе. С этим я столкнулся сам.

Творческий коллектив «Советского Заполярья» преимущественно состоял из женщин. А у них была аллергия на командировки. Да оно и понятно. Во всех поселках района отсутствовали гостиницы. В качестве основного транспорта северянам предоставлялся тихоходный и продуваемый всеми ветрами самолет «Ан-2».

То есть сами обстоятельства заставляли редактора давать мне беспрепятственно командировки во все концы района. Я узнал, что такое Гыдан, и в первый раз увидел белых медведей. Спустя несколько десятилетий в детской книге «Мой дом – север» я рассказал, как жители этого поселка пытались избавиться от опасной близости с косолапым.

«Как-то утром женщины отправились в лабаз перебирать рыбу. А он находился на порядочном от поселка расстоянии и, как водилось в глухомани еще в недавние времена, на замок не закрывался.

Женщины включили свет. И врассыпную. На жирных муксунах, развалившись, как дома, храпел медведь. Не чуя ног прилетели ненки в контору, а там их сначала подняли на смех, но потом, когда причина стремительного бегства была доказана, забросили в лабаз дымовую шашку и выкурили непрошенного гостя. Однако победу праздновали рано. Из белого перекрасившись в угольно-черный цвет дымовой шашки, медведь в тот же день объявился во дворе школы-интерната. И, перекатываясь из одного места в другое, испачкал сажей весь снег. Наконец, видимо, удовлетворившись тем, что шкуру свою вычистил окончательно, растянулся и стал «сдавать на пожарника». То есть, не обращая внимания ни на какие посторонние звуки, ударился в спячку. А звуков между тем хватало. Ребятишки, повскакав из-за парт, облепили все окна. Кто-то залез на крышу, выбежал на крыльцо. И запреты учителей для них были не указ. Каждое движение медведя вызывало самые оживленные пересуды и толкования.

- Смотри, смотри, лапой нос закрыл, как будто он у него замерз!

- А на груди у него желтый передник!

- Сам ты передник. Спереди у него всегда шерсть желтая, потому что любит он жирное покусать.

- Ничего себе, ребя, у него коготь длиннее моего пальца. А интересно, какой зубик!

- А ты ему в рот загляни.

...Гыда – поселок профессиональных охотников. Послать на тот свет медведя для них труда не составляло. Только вот незадача,

Белый медведь - зверь привилегированный. Он в Красной книге. Поэтому требуется разрешение Москвы. И она его дала. Но теперь в поселке не нашлось того, у кого бы поднялась рука на косолапого.

Судили-рядили. И решили выселить его хитростью. По указанию директора рыбозавода сварщик несколько дней укреплял арматурой деревянный балок.

В нем построили механизм по образу и подобию мышеловки. То есть к мешку с рыбой, подвешенному к потолку посередине балка, протянули от двери тросик. Как только медведь заходил внутрь, касался мешка, дверь автоматически захлопывалась.

«Мышеловку» насторожили и оставили на ночь. А утром к удовлетворению изобретателей дверь оказалась закрытой. Мигом к балку подогнали трактор, и он потянул хитроумную ловушку во льды.

Гыда скрылась из виду, когда трактор догнали охотники на «Буранах». Они что-то сигналили трактористу. И он остановился. Тогда один из охотников дернул дверь, и перед действующими лицами операции предстал пустой балок.

Умирая от хохота, озадаченному трактористу рассказали, как медведь обманул гыданцев.

Оказывается, почуяв неладное, он не стал входить в распахнутую дверь, а протянул лапу в оконце. И убил сразу же двух зайцев, вытащил мешок с рыбой и заставил сработать сторожок, который и захлопнул дверь...»

В Гыде я впервые познакомился с Розалией Ивановной Ильиной - женой Виктора Ильина, моего земляка из Азово.

Розалия Ивановна была воспитателем и пионервожатой. По крайней мере, я запомнил ее с пионерским галстуком. Быстрая в решениях, неутомимая, она с утра до вечера крутилась в школе и заставляла подчиняться своему ритму других.

Мне жуть как понравился Сядай - деревянный божок на нартах. Его, видимо, только недавно «кормили». Потому что то, что полагалось называть лицом, было вымазано мозгом из оленьих костей.

- Бери-бери! - простодушно разрешила Розалия Ивановна.
- Но этого, наверное, нельзя делать? Святое?
- Можно. Я скажу бабушке, и она нового выстрогает.

Никогда не забуду дружного коллектива полярной станции. Душой которой были муж и жена Поповы. Много знакомых у меня появилось среди рыбаков и оленеводов Гыданского рыбозавода. На них, если так можно выразиться, я оттачивал перо. Писал зарисовки, репортажи. И стал замахиваться на очерки.

Настоящим полигоном для меня, много желающего, но еще больше не умеющего журналиста, являлась геология. Она была представлена геофизической экспедицией, расположенной в Тазовском, и нефтегазоразведочной - в Газ-Сале.

Первую возглавлял добрейший человек, специалист высочайшей квалификации Валентин Иванович Иванов.

Помню, нас с сестрой по великому благу пропустили на новогодний огонек. И мы оказались за одним столом с Валентином Ивановичем. Когда все подняли свои фужеры с шампанским, мы с Тамарой скромно пропустили этот праздничный тост, потому что спиртного не употребляли. И нажимали на фрукты. Впрочем, это громко сказано. Каждому гостю «Голубого огонька» полагалось по два яблока и три мандаринки. Которые, как выяснилось, оказались в Тазовском благодаря усилиям снабженцев Иванова.

В общем, покончив с фруктами и уже почти досмотрев концертную программу, мы хотели откланяться, но Валентин Иванович не дал.

- А теперь поедem к нам в экспедицию, - решительно заявил он. И в стремительном темпе заставил нас одеться и нырнуть под брезентовый тент гусеничного АТэЛа, в переводе с аббревиатуры - артиллерийского тягача.

Минут двадцать-двадцать пять грохота, и вездеход в городке из балков. Он своей автономной жизнью жил на небольшом отдалении от районного центра на берегу реки Таз.

У празднично накрытого стола был весь коллектив экспедиции. И нас приняли, как своих. Гуляли и веселились до утра. А утром тот же вездеход помчал нас обратно в Тазовское с царскими

подарками. Иначе просто не скажешь. Ведь Валентин Иванович распорядился выделить из резерва экспедиции целый ящик мандаринов, ящик яблок и коробку плиточного шоколада. Впрочем, я гораздо больше радовался другому приобретению. Благодаря откровению всех, с кем пришлось разговаривать в новогоднюю ночь, развеялся ореол романтики, которым окружена работа полеви́ков. Она оказалась тяжелой, рискованной и не особо благодарной. Даже в той части, когда речь заходит об открытиях. Часто, почему-то и до сих пор, забывают, что к ним, между прочем, причастны и геофизики.

Видимо, чтобы закрепить в моей памяти рассказанное Валентин Иванович предложил поехать с ним по полевым партиям. И я с радостью согласился.

По поводу Тазовской нефтегазоразведочной экспедиции в редакции ходили разные разговоры. И в основном нелестными словами отзывались о ее начальнике - Василии Тихоновиче Подшибякине. «Грубиян несносный, хотя, может, дело знает. И особенно не жалуется журналистов».

Но правильно говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И в первой же командировке мое мнение разошлось с мнением коллег. В своей книге «Ледовый материк» я написал об этой неординарной личности следующее:

«Из-под брезентового фартука вездехода я вывалился на утоптанную снежную площадку перед конторой Тазовской нефтегазоразведочной экспедиции и глазами встретился с высоким молодым мужчиной в расстегнутом полушубке.

- Ну что, герой, укатили тебя крутые горки? - насмешливым глуховатым голосом поинтересовался незнакомец.

- Василий Тихонович, - вклинился водитель, - я привез корреспондента.

- Ну что же, езжай отдыхай. А его я заберу с собой.

«Выходит, я скатился под ноги самому Подшибякину», - мелькнуло у меня в голове, и, чтобы не отстать от длинноногого начальника экспедиции, мне пришлось сменить шаг на бег. Наконец в глубине коридора, пропитанного запахом солянки, железа и папирос, он

остановился. Стукнул в дверь с табличкой «Главный инженер». А затем бросил мне «Подожди!» и сам куда-то ушел. Но вскоре вернулся с ключом и чайником. В крохотном кабинете из мебели были только стол и три стула, да еще раскладушка, красноречиво указывающая на то, что в качестве заезжей кабинет используется не в первый раз.

- Вот это будет твой «люкс».

- А может, вы мне дадите интервью, и я вечером уеду в Тазовский?

- Тебе сколько лет?

- Семнадцать.

- То-то я и вижу, что ты еще совсем зеленый. О каком интервью может идти речь, если ты, наверное, не знаешь, чем отличается обсадная труба от водопроводной. Нет уж, сначала мы поедем с тобой на буровую, а пока давай пить чай по-березовски. Знаешь, как это? Конечно, нет. А меня научила в Березово бабушка-зырянка. Она опускает в чашку замороженный лук. И так вкусно, будто чай пьешь с абрикосом.

Не дожидаясь моего согласия, Подшибякин, казалось, совсем без усилий подтянул меня вместе со стулом к столу. И в этот момент дверь приоткрылась, и на пороге появилась женщина с тарелкой, накрытой салфеткой.

- Вот и наши пирожки с брусникой, - потирая руки, ободряюще улыбнулся Василий Тихонович.

Если откровенно, то я, наверное, как и он, обожаю эти пирожки больше всего на свете. И поэтому не стал ждать вторичного приглашения, а навалился на брызжущие кисловатым соком пирожки, словно был с голодного острова. И когда женщина заглянула снова, Подшибякин поинтересовался:

- Теть Нюра, там в кастрюле у тебя больше не осталось?

- Есть! - с готовностью ответила она.

Я, сообразив, что на этот вопрос спровоцировал начальника экспедиции собственным аппетитом, попытался воспротивиться добавке и заодно рассыпался в благодарностях тете Нюре.

- Не мне надо говорить спасибо, - возразила она, - а сестре Василия Тихоновича.

- Да, - подтвердил Подшибякин, - это моя сестра Татьяна хилый организм геолога поддерживает стряпней. - И, потрогав свой живот под толстым водолазным свитером, будто проверяя, достаточно ли в него вместилось, повернул ко мне покрасневшее от чая лицо. - Ну, готов продолжать командировку? - И, не дав мне открыть рта, стал снова учить уму-разуму: - Старайся больше вертеть головой и все услышанное взвешивать, а то наш брат геолог тебе наплести такого может!

- И вы тоже?

- Ишь ты, уколоть меня решил. И попал в точку. Я занозистых люблю, потому что сам такой. А относительно того, могу ли я наговорить семь верст до небес? Запросто! В Березовскую экспедицию приезжал корреспондент, надоел своими расспросами - просто жуть! А в последний день пристал: «Покажите, какой бывает природный газ!»

Я его к скважине на окраине поселка свозил, из которой этот газ через малюсенькую дырку вроде как просачивался. А он не удовлетворен, хочет посмотреть на цвет. Тогда я своему шоферу дал специальное задание. В общем, месяц-полтора все было тихо, а потом как гром среди ясного неба звонок из геологического управления.

- Подшибякин, ты знаешь, что бывает за такие шуточки?

- За какие?

- А прочитай в «Тюменском геологе».

Оказывается, корреспондент вполне благополучно довез колбу до своей редакции, а там поставил в кабинете шефа, подписав «Газ Березовского месторождения». Но через какое-то время колба возьми и разбейся, да еще, как написано в газете, во время какого-то торжественного мероприятия. И все без исключения в воздухе уловили запах газа, но не природного, а ядовитого, выхлопного.

При этих словах Подшибякин заразительно засмеялся, запрокинул голову назад. Смеялся до слез и я. Наше веселье внезапно прервал стук в дверь, и тут же на пороге появился радист.

- Василий Тихонович, беда! Выброс!

Подшибякин всем корпусом повернулся к радисту, долго смотрел на него, потом встал и еле слышно скомандовал:

- Вездеход! - И уже у самых дверей осуждающе проговорил: - А ты интервью! Не будет его. Но, чтобы Платонов не подвесил тебе «медаль» (потом я узнал, что на языке начальника экспедиции это означало выговор), живо собирайся со мной. Напишешь, какой это зверь газ, когда он непрошено высовывается из-под земли.

Вездеход качало, швыряло на ухабах замерзшей тундры, а я думал, как же все-таки несправедливо устроена жизнь. За полчаса, за час до этого у Подшибякина все шло как по маслу, ему удалось добиться, аргументируя суровыми климатическими условиями, корректировки плана по проходке в сторону уменьшения, и теперь этот главный показатель экспедиция стала шелкать, как семечки. «Добывая» разведку Тазовского месторождения, она уже завезла для поискового бурения первый станок на Заполярное. И шла речь о десанте на Русское. Сам Подшибякин жил еще торжественностью момента после вручения ему ордена Трудового Красного Знамени и личной встречи с министром газовой промышленности СССР А. К. Кортунным, который, облетев с Подшибякиным буровые, так и сказал:

- Продолжайте дерзать! А по поводу ошибок - вы знаете прописную истину.

И тут вдруг на тебе!

Из сбивчивого сообщения бурового мастера по радиии можно было понять, что все случилось в момент монтажа фонтанной арматуры на устье скважины. Газ тонкой струйкой вырвался наружу, и от искры на оголенном участке провода дизель-генератора воспламенился.

Да, зрелище было не из приятных. В гудящем громадном факеле, словно корчась от боли, стальная буровая плавилась и оседала. Весь снег в радиусе полкилометра, а может и больше, растаял, обнажив завитушки зеленовато-серого ягеля.

Выслушав подробный доклад, Подшибякин приказал:

- Чтобы людьми и техникой рядом не пахло! - И через некоторое время добавил: - Надо вызывать Григорьева и готовиться получать «медаль».

На следующий день в Газ-Сале ждали прилета специалиста по укрощению газовых фонтанов Григорьева и комиссию из геологического управления. Я случайно зашел в новенький клуб, где еще пахло красками и лаком. В его фойе играли в теннис. Неожиданно за моей спиной двери распахнулись, и большой тенью в проеме возник Подшибякин. Он взял у одного из парней ракетку и попытался сосредоточиться, но игра сегодня явно не шла. Шарик то бился об сетку, то улетал в «молоко». И вскоре, швырнув разломленную о край стола ракетку, Василий Тихонович так же стремительно, как и появился, вышел.

Жизнь - река с быстрым течением, но иногда у какого-то берега нам с Василием Тихоновичем удавалось причалить. И мы вспоминали Газ-Сале, Тазовское. Ласкали слух знакомые имена, фамилии. Многие из них уже стали известны на всю страну. И Подшибякин тоже прославился не на шутку. Его неумная энергия, эрудиция плюс компас, именуемый опытом, приводили часто туда, где под толщей арктической мерзлоты таились в несметных количествах запасы нефти и газа. За эти открытия Василий Тихонович удостоен высших наград страны - Ленинской премии и Звезды Героя Социалистического Труда.

Как-то раз, когда Василий Тихонович уже возглавлял объединение «Ямалнефтегазгеология», я услышал в трубке его чуть простуженный рокочущий голос:

- Ну ты от рук совсем отбил. Хоть бы когда-нибудь заглянул. Обещаю, Галина Георгиевна чаю с мороженым луком сообразит.

И я заглянул. Открыв дверцу сейфа, возвышающегося с правой стороны от дверей кабинета, Василий Тихонович распечатал бутылку коньяка. И в этот момент в глубине сейфа я увидел коробочку, очень похожую на те, в которых обычно вручают награды. А Подшибякина при них я никогда не видел, поэтому попросил хотя бы посмотреть.

- Да ничего интересного, - как-то смущенно проговорил он. Но коробочку подал.

Раскрыв ее, я увидел медаль со знакомым силуэтом вождя. Догадался, что она являлась обязательным дополнением к Ленин-

ской премии. Но вот незадача - со лба и щек Владимира Ильича золото обшелушилось.

Василий Тихонович, справившись со смущением, объяснил так:

- Перед твоими глазами результат нашего с Гирей исследования химического состава медали, проводимого обмыванием ее в чистом спирте. В общем, сушая подделка.

И как в тот раз, когда рассказывал об анекдотичном случае с колбой, Василий Тихонович, чуть запрокинув голову с поседевшей прядью волос, заразительно засмеялся...

27 сентября 1962 года в 14 часов 40 минут из скважины номер один Тазовской площади, пробуренной на Мамеевом мысу, как джин из бутылки, вырвался первый фонтан газа. В 1965 году Тазовской нефтеразведочной экспедицией открыто Заполярное месторождение.

Районный центр, испытывающий постоянный дефицит в электроэнергии и тепле, теперь имел все возможности поправить положение за счет природного газа. И вскоре, действительно, началось сооружение газопровода малого диаметра на Тазовское. Я предложил Платонову завести на страницах «Советского Заполярья» дневник стройки. И общественность района получила возможность раз в неделю знакомиться с информацией о работах на жизненно важном объекте.

Пожалуй, вторым событием, находившемся в то время у нас на слуху, было решение верховной власти определить Тазовское местом ссылки так называемых неблагонадежных элементов. В основном из Москвы и Ленинграда их присылали сюда в немалых количествах.

Как-то однажды мы с сестрой, получив зарплату, пошли в универмаг. Купили мне за 27 рублей шикарную овчинную шубу с необычной фиолетовой окраской меха и стали выбирать пластинки для нашего проигрывателя «Ленинград». Когда дело уже дошло до расчета, нас отстранил от прилавка высокий, небритый мужчина и, поправив бабочку на исключительно белой манишке, укоризненно заметил:

- Вижу в пластинках вы разбираетесь как свинья в апельсинах.

И после этих слов, придирчиво осматривая товар, он стал браковать пластинки одну за другой, чем вызвал бурное недовольство продавцов.

На выходе из магазина мы познакомились. Оказывается, этот джентльмен с бабочкой был из Ленинграда. В Тазовское «загрел» за изготовление граммофонных пластинок на «костях», то есть на рентгеновских снимках, которыми, будучи врачом, его снабжала мать.

В аэропорту ко мне подошел такой же обросший, в поношенном полушубке и валенках с загнутыми носами водовоз из рыбкоопа.

- Вы, я слышал, летите в Антипаюту?

- Точно так.

- Тогда не могли бы привезти мне несколько замороженных леммингов?

Я в недоумении уставился на него, как на чокнутого. Но он тут же все объяснил:

- Понимаете, я - кандидат биологических наук. И мне нужно сравнить, чем эти мыши из Антипаюты, являющиеся основным объектом питания белого тундрового песца, отличаются от тазовских? И отличаются ли вообще?

Я выполнил поручение биолога, которого благодаря стараниям председателя рыбкоопа через некоторое время восстановили в партии и, простив все грехи, разрешили покинуть Тазовское.

Мимо нашей редакции каждый день, ближе к обеду, проходила попадя в длинном черном прорезиненном плаще и с лукошком, накрытым белым платком. На вид ей было не больше 20 лет. И поп, ее муж, работавший сторожем на проходной базы рыбкоопа, по возрасту опережал ее, может, года на три-четыре.

В один из последних дней сентября ко мне подошел Платонов и сказал:

- Николай, на Тазу начинается льдообразование, а баржи с продуктами до сих пор не выгружены и рискуют у нас зазимо-

вать. Поэтому райисполком принял решение помочь рыбоопу людскими ресурсами. От редакции я рекомендовал тебя. Больше того, зная, что ты у нас спортсмен, штангист и уважаешь дисциплину, попросил назначить бригадиром грузчиков.

Что мне оставалось делать? Только поблагодарить редактора за высокое доверие и топать к месту работы.

Моих пятнадцать человек поставили на баржу с картошкой. Пролетающий снег грозился ее замочить и подморозить. И чтобы не оставить поселок без «второго хлеба», мы, не раскачиваясь, взялись за дело. Четверо мужчин в трюме забрасывали на поддоны тяжелые мешки, которые тут же судовой кран поднимал на палубу, откуда вторая часть бригады переносила их на тракторные сани.

Предполагалось, что операция займет несколько дней. Поэтому, пластаясь наравне с другими и контролируя работу бригады, я еще был обязан следить за добротностью питания своих людей. Хотя надо сказать, что круглосуточное горячее питание грузчиков организовывал сам рыбооп. И делал это на совесть. Давали кофе, чай, какао. Только с пылу, с жару пирожки, котлеты и жареную рыбу.

Можно было есть прямо на рабочем месте или уже за накрытым столом в проходной базы.

Однажды, оказавшись там в конце обеда, я встретил попадью со своим неизменным лукошком.

Пусть меня простят за невежество, я приподнял платок и увидел на дне лукошка несколько картофелин в мундире, два куса черного хлеба и спичечный коробок, видимо, в нем была соль. Этот обед по сравнению с нашим казался просто нищенским. И воспользовавшись своей властью и не слушая возражений зардевшейся экс-попадьи, наполнил ее лукошко колбасой, котлетами, стряпанным. Затем усадил мужа с женой за стол и за чаем с пирожками услышал грустную и одновременно смешную историю, послужившую поводом для их ссылки.

А дело было так. Молодой человек окончил духовную семинарию в Черниговской области, и ему дали приход.

Не откладывая в долгий ящик он уже на следующий день вместе со своей юной женой отправился к месту службы. Фантазия рисовала белокаменную церковь с золотыми куполами. А вместо этого глазам открылись убогость и нищета.

Стены церкви были давно не белены. А маковки ее оказались не золочеными, а когда-то покрашенными в небесно-голубой цвет. Но сейчас краска облупилась, а металл проржавел, и при самом слабом дожде вся вода оказывалась в церкви.

Отчаянно ломая голову над проблемой, священник, наконец, придумал, как ее решить. А точнее, вечерами, после службы, стал сдавать церковь в аренду сельской молодежи, у которой не было клуба. И демонстрация кинофильмов здесь стала сменяться танцами до упада. Это радовало попа-предпринимателя. Ведь на вырученные деньги он уже отремонтировал крышу и хотел приниматься за побелку стен и ремонт пола, но тут нагрянуло церковное руководство из области. Оно пришло к выводу, что бабушки-старушки, накатавшие жалобу на молодого священника, были во всем правы. Поэтому, обвинив коллегу в богохульничестве, авторитетная комиссия обратилась к властям с просьбой о его наказании. И удивительное дело, при том, что церковь была отделена от государства, в этом вопросе они оказались единодушны. В результате случилось то, что случилось.

Рассказывалось ли о судьбах этих «отрицательных» героев в «Советском Заполярье»? Конечно, нет. Впрочем, стоп! Однажды из райкома поступило цеу поработать с «Комсомольским прожектором» по одной щекотливой теме. А дело касалось письма, подписанного целым коллективом женщин. Они, кипя от возмущения, сообщали, «как только в Тазовское сослали дам с легким поведением, наши мужья словно сбесились...»

Станислав Ламбин, еще в недавнем прошлом работавший главой Пуровского района, а в Тазовском РК ВЛКСМ отвечавший за «Комсомольский прожектор», взял с собой меня, пару активистов и милиционера. И мы направились курсом на бараки, располагавшиеся на взгорке за Домом культуры.

В первом бараке, несмотря на рабочий день, большинство его обитательниц были дома. Кто-то спал, кстати, кроватей не имелось, и матрацы лежали прямо на полу. Несколько женщин и бородатых мужчин в конце барака, на возвышении, похожем на сцену, пили спирт, подкрашенный брусникой.

- Что вам? - будто делая большое одолжение, повернулась к нам обладательница высокой прически и голубой блузы с большими искрящимися пуговицами.

Откровенно говоря, в этот миг вся наша мужская компания поняла, почему «словно сбесились мужья». Несмотря на откровенную нищету, «дамы с легким поведением» и в ссылке умудрялись следить за собой. И давали урок поселковым женщинам, как надо подводить глаза, красить губы и нравиться мужчинам.

Милиционер, состроив самое серьезное лицо, поинтересовался:

- Почему не на работе?

Все та же женщина, выставив наманикюренные руки, спросила:

- Разве можно такими руками перебирать в леднике ряпушку?

- Но вы в ссылке, поймите.

- Понимаем. И наказание несем. Вон смотрите на уголке простыни цифра три. То есть всего за трояк отдаем себя даже богатым геологам. А иначе, как жить? Ведь за день работы на леднике заплатят без северных не больше рубля. А что касается вас, то мы можем таксу сбросить.

Этих слов было достаточно, чтобы мы ретировались. Не состоялась публикация и в «Советском Заполярье», потому что Платонов резонно заметил: «Ею мы только создадим женщинам из бараков рекламу».

Отработав два года в Тазовском, мы взяли с сестрой отпуск и решили обратно не возвращаться. Устроились на работу в Салехарде. Впрочем, относительно меня не все получилось гладко. Любовь Гавриловна Баженова оказалась в отпуске. Олег Дмитриевич Вильчевский уехал редактором газеты в Воркуту. А без руководства вопросы моего трудоустройства никто не брался решать. Поэтому я решил временно поработать в горрыбкоопе грузчиком.

И вот спустя где-то неделю к пирсу, где выгружались баржи, подошел водометный катер, по-моему, «Хорей». С него по крутому трапу стал подниматься невысокий, широкоплечий седой мужчина.

- Дай-ка, силач, мне руку, - обратился он. Я помог мужчине преодолеть последние ступеньки, и мы встретились глазами.

- Постой, - удивленно уставился он на меня. - Ты ведь, вроде, Николай Дудников?

- Так точно!

- А здесь что делаешь?

В двух-трех словах я обрисовал ему ситуацию. Редактор окружного радио Николай Матвеевич Михальчук, а это был он, тут же предложил:

- Давай-ка подгребай завтра к девяти часам в редакцию, там и поговорим.

Так из газетчика я переквалифицировался в радиожурналиста. Разница, скажу вам, была существенная. В отличие от газеты здесь обычный текстовый, к примеру, репортаж или интервью, да и зарисовка не воспринимались без живого голоса. А для того чтобы его получить, в городе и в командировках приходилось не расставаться с тяжелым магнитофоном «Репортер-3». Дальше. Если даже интервью на пленке было записано, его следовало «расшифровать», то есть перенести на бумагу. При этом вычеркнуть ненужные слова, противоречащие русскому языку обороты речи. И в таком виде подать текст операторам Саше Скурыхину или Вите Дмитриеву. Которые согласно этому тексту выбросят из пленки все хмыканья и мыканья и смонтируют передачу.

И так скромный одноэтажный особнячок на улице Ламбина на долгие годы стал моим вторым домом. Здесь я познакомился и подружился со многими журналистами, имена которых моим молодым нынешним коллегам вряд ли известны.

Витя Шукаев работал во всех направлениях, но больше в строительстве, сельском хозяйстве. Гена Калабин, кстати, писавший совсем не дурные стихи, любил ездить к геологам. Женя Никитина, которую все в коллективе радийщиков звали Женечкой, и

мне она позволила это, но с одним условием: «Только когда мы в редакции, а в другом месте, прежде всего исходя из нашей возрастной разницы, прошу называть по имени-отчеству». Так вот, Женя готовила детские передачи. Тася Лапсуй со своими позывными «Инзеледа! Инзеледа!» выходила в эфир на аудиторию из ненецкой глубинки. Писатель Прокопий Салтыков вел передачи на хантыйском языке. Зоя Курочкина была заведующей дискотекой и иногда «подежуривала» как диктор. А вообще, людей с приятным голосом и поставленной дикцией в редакции хватало. Первой и непревзойденной в этом вполне заслуженно считалась Мара Гилева. И часто ей компанию в эфире составлял Толя Николаев. Маленький, как подросток, он имел сочный, приятный голос. А по штатному расписанию он был инженером по обслуживанию записывающей и воспроизводящей аппаратуры.

Мара – красавица с высокой прической черных волос мужчинам нравилась. И мы ее обаятельную внешность иногда эксплуатировали в общих интересах. А выглядело это следующим образом. Почти вся редакция питалась в ресторане «Север», до которого от редакции было буквально пять минут ходьбы. При нашей скромной зарплате денег постоянно не хватало. И официантка Валя Алеева кормила нас под запись, то есть в долг. Если эта официантка не работала, особенно на ужине, выдвигалась вперед Мара. Ее мужчины из базы морского лова, Полярно-Уральской экспедиции приглашали наперебой. А она останавливала выбор на более щедрой компании и, делая шаг к столу, объявляла:

– А это со мной.

– Какой разговор! – неслось в ответ. И мы, рискуя схлопотать за нахальство по шее, становились непростительными гостями компании, с аппетитом уплетая фирменное шикарное блюдо ресторана – бифштекс из оленины с жареной картошкой.

Нередко выступал у микрофона в качестве диктора и обладатель красивого баритона сам Николай Матвеевич Михальчук. Вообще, Николай Матвеевич вызывал у всех нас симпатию. Бывший фронтовик, воевавший на Халкин-Голе, он имел большой журналистский опыт. Работал в Байкаловском и Ярковском рай-

онах. Затем собственным корреспондентом областной газеты в Ханты-Мансийском округе. Там же руководил больше двадцати лет радиовещанием. Примерно столько же возглавлял радио на Ямале. Николай Матвеевич в общении был очень доступен, добр и снисходителен. Благодаря во многом этому моя адаптация в новом качестве прошла быстро и безболезненно.

Помнится на летучке, анализируя работу творческих сотрудников за неделю, редактор сделал замечание Женечке Никитиной.

- И опять на пленке твой смех!

- Но, Николай Матвеевич, какой же репортаж без моего смеха? - можно сказать, на полном серьезе возразила Никитина. Чем всех нас, в том числе и Николая Матвеевича, заставила держаться за животы.

И еще один забавный эпизод, теперь уже о самом Михальчуке.

Заядлый охотник и рыбак, он чаще всего на природу выезжал с Прокопием Салтыковым. Но однажды у «Вихря» забарахлило зажигание, и Николай Матвеевич поручил Прокопию снять маховик и отрегулировать контакты. А сам по какой-то надобности отправился домой.

На обратном пути, спускаясь с горы к лодке, Николай Матвеевич увидел, как «механик» наматывает веревку на маховик. «Ага, значит, уже отремонтировал и решил опробовать», - удовлетворенно подытожил Михальчук. И, сделав еще несколько шагов, услышал приближающийся к нему воющий звук. По фронтовой привычке грохнулся на живот. Что было очень своевременно. Так как в метре от него зарылся в песок чугунный маховик.

Оказывается, решив удостовериться в качестве своего ремонта, Прокопий совсем забыл маховик затянуть контргайкой.

Кое у кого из журналистов бытует мнение, что газета по уровню выше, чем телевидение и радио. Здесь бы я хотел сказать пока не об уровне, а об оперативности и ответственности.

Радио и телевидение могут отреагировать на событие мгновенно, а газета в силу специфики этого преимущества лишена. Зато

выступление по радио и телевидению кто увидел, а кто нет. А написанное пером, как говорится, не вырубишь топором.

В общем, газета - документ. А относительно уровня - все зависит от того, насколько профессионален тот, кто берется делать передачу и писать статью. И по собственной практике знаю, что для этого не нужно пытаться осваивать процесс работы всех отраслей народного хозяйства и их проблемы. Следует сосредоточиться на узкой специализации. Я свое внимание всегда фокусировал на аграрно-промышленном комплексе, а позднее приплюсовал добычу нефти и газа. Но никогда не занимался вопросами политики, потому что в силу субъективного высказывания многих политиков боялся измазать грязью и опорочить чье-то доброе имя. Наконец, просто благодаря поддакиванию «критикам», которые с высоты своей «кочки» часто не видят действительности и преимущественно пытаются подать все в черном цвете, можно серьезно повредить позитивным переменам в регионе.

Первую командировку радиовещание мне дало на Полярный Урал, или, как мы еще говорили, на 106-й километр. Друг редакции - геолог Толя Хрыкин, кстати, он и сейчас живет и работает в Харпе, наговорил мне столько, что в блокноте не поместилось. Я был вполне доволен, но мой куратор Гена Калабин только покачал головой. И преподавал первый урок подготовки радиийных материалов, в которых, как я уже говорил выше, главную роль играет живой голос.

- Пойми, - продолжал ликбез Гена, - твоя цель убедить слушателя в том, что проблемы, о которых ты рассказываешь, происходят на производстве. И лучшим доказательством этого должен быть фон работающей техники, голоса людей, а не блокнотная запись с присутствием двух-трех фраз Хрыкина.

- Ну, хорошо. Если не получается репортаж, то, может, сделать небольшое интервью? - подавленно предложил я.

- Можно, конечно. Но внимательный слушатель сразу же поймет, что вопросы Хрыкину заданы из студии.

Это был первый и, конечно, не последний прокол. У меня долго не получалась работа с микрофоном в студии. И когда терпение у Толи Николаева лопалось, он отнимал у меня текст и расставлял

минусы и многоточья. Что в первом случае обозначало не торопиться, а во втором – делать паузы. Дальше четко выговаривать слова, не глотая окончания. И наконец, для каждого текста, к примеру для радиозарисовки, требовался теплый, наполненный располагающей добротой голос. А при чтении постановочного материала нужен был тон ближе к официальному. Усвоил ли я по-настоящему все эти уроки? Наверное, нет. Потому что спустя несколько лет Николаев заметил:

- Часто оценку своим материалам ты снижал благодаря неумению читать в эфире.

Но так или иначе через ошибки я понемногу приобретал опыт и влюблялся, да, влюблялся в радио. По сравнению с газетой здесь царила особая атмосфера, похожая на праздник жизни.

Представьте себе, вы только входите в здание, а слева, из аппаратной, в которой, сменяя друг друга, работали Саша Скурыхин, Витя Дмитриев и Алик Михальчук, карикатурно искаженные при перемотке пленок голоса чередовались с музыкальными вставками, а то и просто музыкой. От этого улучшалось не только настроение, но и оживлялась сухая запись наших передач. Они начинали звучать по-иному, заставляли слушателей прибавлять в приемниках громкость.

Коллектив редакции, в общем-то, сохранял постоянство. И увольнения были редкими. А образовавшиеся вакансии тут же заполнялись. Однажды прибыли сразу же трое молодцов. Один высокий, с длинным носом (фамилии его я уже не помню) сразу же уехал. А вот Анатолий Омельчук и Сергей Волков остались надолго.

С жильем в редакции было хуже некуда. И Николай Матвеевич, отвоевав в одном из домов бывшего ГУЛАГа, напротив педучилища, однокомнатную квартирку, решил организовать там что-то по типу общежития. Выше названная троица туда уже вселилась, и в один прекрасный день в общежитие привезли и меня. Но обескураженный оригинальностью убранства и не только, я отказался вливаться в армию счастливых новоселов.

О какой оригинальности идет речь? А вот о какой. Вместо ковров стены над кроватями были обклеены этикетками выпитого

спиртного. А из топки выглядывали не дрова, а сами бутылки. Между тем температура в комнате равнялась нулю. И меня, не падкого на спиртное, подогревание с помощью его не устраивало, как и перспектива быть у новых коллег истопником.

Этим фактом я не хочу очернить теперь уже довольно известных в округе и в Тюменской области журналистов. Мало ли что бывает по молодости. А, к примеру, благодаря Омельчуку значительно была «раскручена» тема геологии на окружном радио. И, пожалуй, он первый серьезно занялся изучением и подготовкой журналистских материалов об истории краеведения.

Чуть позднее приняли в редакцию Леонида Лазаревича Шевелева. До этого он, по-моему, работал учителем в Новопортовской школе и иногда пописывал информации в «Красный Север». Но Николая Матвеевича он как творческий работник, по всей видимости, не особенно интересовал. А вот как администратор, хозяйственник был нужен. Хотя иногда Леонид Лазаревич тоже ездил в командировки и выступал, преимущественно на партийные темы.

Часто нашу жизнь за считанные секунды может изменить господин случай. Это случилось и со мной.

С площади у речного вокзала я с интересом наблюдал, как на противоположной стороне Полуя техучастковские суда «Стрелка» и «Богомолец» расталкивали льды, помогая мелким катерам подойти вплотную к берегу, где их уже поджидал трактор и одно за другим вытаскивал на сушу для зимнего отстоя. Неожиданно мое внимание отвлек звук остановившегося рядом автомобиля. Из него вышли двое мужчин. Высокого, худощавого я раньше не встречал. А второго, невысокого, заводного, в то время знала вся молодежь округа. Это был первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома ВЛКСМ Владимир Артеев. Мы поздоровались. И высокий, пристально поглядев на меня, спросил:

- Ты случайно не в редакции работаешь?

- Да.

- А меня не знаешь?

- Если откровенно - нет.

- Я инструктор по печати из обкома. И только сейчас мы с первым секретарем Приуральского райкома партии думали о том, откуда ему взять редактора радиовещания. И почему бы тебе не согласиться на эту должность?

Предложение было столь неожиданным, что я замер на месте и не знал, что сказать. Поразила меня и новость о назначении Артеева первым в Приуралье.

- А что, и вправду, Николай, давай ко мне. Квартину дам сразу же, - загорелся Владимир Диомидович.

Не знаю, то ли из-за того, что мне захотелось самостоятельности, или из-за симпатии к Артееву я тут же согласился. Но выдвинул просьбу предоставить работу жене, окончившей только что Салехардское нацпедучилище.

В Аксарке - центре Приуральского района, на улице Первомайской, в стареньком бараке начальник строительного участка Сорин (имени-отчества не помню) показал нам квартиру. Скорее, это была единственная комната, перегороденная слева стенкой из досок. Справа в импровизированной темной кухонке стояла печь, а в углу умывальник. В общем, убогость, да и только. Но на что можно было рассчитывать более комфортабельное, если так жила, практически, вся Аксарка.

Двухэтажные дома только начинали строиться в районе школы. И благодаря хозяйственной жилке директора рыбозавода Федора Александровича Мысова стала обустраиваться преимущественно двухквартирными домиками улица Северная.

Кстати, в бараке мы прожили всего несколько месяцев. На берегу, по-моему, рыбокооп достраивал новую конюшню, но поселковой и районной власти бросилось в глаза, что жилище для лошадей получалось слишком шикарным, и приняли решение перекроить его на две квартирki. Одну дали нам. И мы без сожаления стали собирать пожитки. Единственно, что нас связывало с баракoм, один врезавшийся в память случай.

Опять же, как и все в Аксарке, мы, начиная семейную жизнь, кормились тем, что даст матушка-природа. Вынуждал к этому и тощий семейный бюджет.

И вот Людмила обработала уток, которых я только что привез с охоты, и поставила варить на печку. А кастрюля была из оргстекла, и мы, оголодавшие напрочь, видели все происходящие в ней процессы. И когда Людмила уже приготовилась снимать с плиты приготовленное блюдо, «стекляшка» прямо на наших глазах развалилась, и утка с картошкой полетела в бушующее пламя. Вот тебе и поели.

Содержание районного радиовещания в те времена шло за счет средств связи.

А идеологическую сторону, направленность этого местного органа пропаганды, естественно, осуществлял районный комитет партии. И редактор тогда назывался радиоорганизатором. И в своем распоряжении имел только ставку диктора. То есть улыбалась перспектива всю творческую работу волочь одному или выпрашивать увеличение штатного расписания. Последнего вряд ли бы удалось добиться. Оставалось брать ориентир на внештатный актив.

Объехав поселки, я нашел себе активистов. В Белоярске ими были Роза Федоровна Филиппова и Василий Бурча. В Харсаиме - Геннадий Лаптев, в Катравоже - Никита Пуябри и Герасим Серахов.

С первого выхода в эфир, который начинался словами «Говорит Приуральское районное радио!», я объявил жителям района номер телефона и почтовый адрес редакции и предложил писать о наблевшем, интересном.

Программа выхода в эфир всегда строилась точно так, как и на «большом» радио. То есть начиналась она с новостей. Затем шел какой-нибудь проблемный, постановочный материал. В обязательном порядке публиковались зарисовки о лучших людях района. Концерты по заявкам.

Александр Трушников, следивший за исправностью аппаратуры и исполнявший роль оператора, иногда срывался на неблаговзвучные выражения, потому что микшировать и накладывать музыку на бытовых магнитофонах было невозможно. И долгое наступление на начальника районного узла связи Сергея Федо-

ровича Кузнецова и его заместителя Станислава Петровича Журавского в конце концов увенчалось успехом. Редакции купили студийный «МЭЗ».

Не скажу, что все у меня гладко складывалось с отделом пропаганды райкома. Еще бы! Не всегда советуется. В партию вступать не собирается! И как же я потом вспоминал заведующую отделом пропаганды Надежду Николаевну Цыбину, не раз повторявшую:

- Без партии тебе не дадут дальше хода.

А в общем и целом, дела, вроде бы, шли неплохо. Николай Матвеевич Михальчук, вначале откровенно не ободрявший моего неожиданного исчезновения, через пару месяцев позвонил и спросил:

- А квартиру тебе Артеев дал?

- Конечно.

Замолчав на какое-то время, Николай Матвеевич попросил:

- Но о нас-то ты не забывай.

- Естественно.

- Да ты не понял. Я предлагаю тебе посылать нам хотя бы раз в месяц материал по основной специализации района.

- То есть вы имеете в виду рыбодобычу и оленеводство?

- Совершенно верно.

- А, к примеру, журнал «Рыбак Приуралья» подойдет?

- Вполне.

Так аудитория моих слушателей раздвинулась до границ округа. Будто я и не уезжал с окружного радио. А в героях для передач недостатка не было. Я писал об орденоносцах, победителях социалистического соревнования: Николае Сязи, Степане Альма, Молдас Куйбиной, Андрее Корханене, Николае Тарымове, Владимире Чупрове, Василии Валитове, но чуть чаще, чем об остальных, на страницах газет и радио рассказывал о кавалере орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Юрии Цыбине и комсомольско-молодежной бригаде имени Н. Островского под руководством Владимира Теткина. Какие это были люди! Какие труженики!

Прошло около семи лет. И однажды меня пригласили в Салехард на совещание журналистов округа. Проводил его заведую-

щий сектором печати Тюменского обкома КПСС Николай Васильевич Бортвин.

В перерыве я только поздоровался с Любовью Гавриловной Баженовой, тогда уже ушедшей на пенсию, но работавшей на должности заместителя редактора газеты «Красный Север», как к нам подошел Николай Васильевич и точно по тому сценарию, который был разыгран с моим «сватовством» в Приуралье, задал Любви Гавриловне вопрос:

- А ты что плачешь о дефиците кадров? Насколько я знаю, этот парень в газете и на радио поработал. Чем он не устраивает вашу газету?

- Да ну! Коля нам по всем статьям подходит. Ведь он у нас работал. А вот где ему взять квартиру - вопрос.

- А вот об этом Любовь Гавриловна давайте подумаем вместе.

При разговоре я присутствовал, как посторонний. И мое молчание расценивалось обеими сторонами, видимо, в качестве согласия. Через два дня, когда я появился снова у Любви Гавриловны, она подала мне ключ от квартиры, окрестив ее метким названием «дети подземелья».

Квартира, построенная тридцать лет назад силами базы морского лова в двух уровнях, позже горисполкомом была поделена на две. Мне досталась нижняя. Темная, холодная и страшно сырая. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

За прошедшие годы в газете многое изменилось. Что я имею в виду? Прежде всего то, что многие из моих бывших коллег разъехались в разные концы страны. Люда Шевелева получила должность редактора газеты в городе Мама Иркутской области. Об этом я узнал, когда мы с ней столкнулись на студенческой сессии в деканате журналистики Свердловского университета.

В Коми Республику уехал Георгий Иванович Тутолмин. К себе в Ленинград Наталья Козлова. В неизвестном направлении отбыла красивая и толковая журналистка Аля Рашева. Ушел из жизни Виктор Рочев.

Главным и единственным фотографом на газету сначала оставался Иван Сычев, потом с ним в паре стал работать Юрий Ленцов.

Появились в редакции Люда Мазунина, Валера Камитов, Иван Деомидович Вихрев. А редактором к моему второму заходу в «Красный Север» был назначен Владимир Прохорович Дубровин, раньше работавший в «Тюменской правде».

Об этом человеке я могу говорить только хорошее. Журналист-профессионал. Он хорошо видел достоинства и недостатки сотрудников. Без лишних слов входил в их жизненные ситуации. При нем я выбрался из «детей подземелья» и, наконец, получил нормальную квартиру по улице Республики.

Имя Дубровина все связывают с демократичностью руководства. Действительно, никто не принуждал журналистов с утра до вечера сидеть в редакции, когда, к примеру, можно было более продуктивно работать дома. Поэтому одну из комнат в своей квартире я, по сути, превратил в кабинет, где был письменный стол, телефон, шкаф с книгами, необходимой справочной литературой.

Некоторое время я работал в отделе промышленности под началом Валеры Камитова. Но потом кому-то из нашего руководства, и совсем не случайно, ведь округ за год добывал до 180 тысяч центнеров в основном высококачественной и вкуснейшей сиговой рыбы, пришло решение создать отдел рыбного хозяйства, меня поставили его заведующим.

Примерно в это время ушел из жизни ответственный секретарь редакции Александр Миронович Суший. Я помню, мы стояли у окна его палаты, в которой постоянно находилась его жена, и Александр Миронович, похудевший, с черными кругами под глазами, показывал нам марлю, а в ней - испачканные гноем камушки.

Для того чтобы скрыть правду от больного, врачи за рак в печени выдали камни.

На место Сушего поставили Ивана Дмитриевича Вихрева. По натуре доброго человека. И порой эта доброта оборачивалась против него самого, мешая Вихреву принципиально, прямо говорить то, что он на самом деле думает.

Появляется в редакции пополнение в лице супругов Владимира и Людмилы Кузнецовых. Владимир становится заведующим

отделом строительства и сразу же начинает входить в глубину проблем отрасли. А ее развитие, в связи с открытием и обустройством крупнейших в мире месторождений углеводородного сырья на территории округа, приобретало гигантские масштабы.

Ввиду того, что Любовь Гавриловна уволилась, на ее место приехал из Нижневартовска Николай Емельянович Сорокин. И это, в общем-то, была кадровая ошибка Дубровина. Зам своей энергией, направляемой иногда в не то русло, часто редактора компрометировал. Поэтому у того не особо складывающиеся отношения с окружкомом партии натягивались еще больше.

Как журналист Емельянович был посредственный. Но амбиции перехлестывали через край. Это мы испытывали все без исключения и в том числе Нина Тимушкина, после ставшая Затолочиной.

Она одновременно являлась секретарем партийной организации и заведующей отделом партийной жизни газеты. А шефство над последним отводилось заму редактора.

Но, к слову, довольно скоро Нина вышла из-под контроля Сорокина. Так как была назначена редактором газеты «Рабочий Надыма». После нее отдел партийной жизни возглавил Михаил Федорович Кулешов. А секретарем партийной организации стал сам Сорокин. И тут началось нечто интересное.

Поработав совсем недолго, Дубровин получил приглашение в центральную прессу. А точнее, собкором в «Экономическую газету». В данной ситуации Николай Емельянович почувствовал себя очень неуютно. А тут еще пронесся слухок, что при новом редакторе может произойти рокировка. При которой вполне реально смещение Сорокина, а место его займет Дудников.

Подлил масла в огонь и Владимир Прохорович. На своем прощальном ужине в опустевшей уже квартире он то ли посоветовал, то ли спросил:

- А ты чего, Николай, растерялся? Собирай рекомендации и пиши заявление в партию. Иначе ведь всю жизнь так и будешь сидеть в кресле заведующего.

На следующий день рекомендации были собраны. Несмотря на мощное давление Сорокина, не испугались поручиться за

меня директор типографии Аркадий Федорович Нагибин и корреспондент Сережа Никифоров. А вот редактор национальной газеты Федор Яунгад, с которым нас когда-то связывали дружеские отношения, в угоду Сорокину отработал назад.

Но тем не менее Николай Емельянович сильно растерялся. Я случайно оказался рядом с ним, когда он звонил заводу горкома партии Фуату Ганеевичу Сайфитдинову.

- Дудников собрал все рекомендации, - жаловался он. - Что делать?

- Проводить собрание.

- Но... - пытался возразить Сорокин.

- Ты чего боишься, что за него проголосует большинство? - пытаюсь, видимо, подколоть растерявшегося секретаря, поинтересовался Сайфитдинов.

Впрочем, решать мою партийную судьбу отрицательно или положительно Сорокину просто не пришлось. Вскоре он собрал вещи и улетел восвояси.

Кузнецовы уехали работать в Новый Уренгой, Камитов - в Надым. Стала поговаривать об отъезде Люда Мазунина. Зато появилась в коллективе Маша Кельник, высокая, как баскетболистка, красивая и бесспорно талантливая, она вскоре была назначена собкором по Уренгою. А редактором пришел Георгий Иванович Никитин. Между собой мы его просто называли Гоша.

Бывший собкор «Тюменской правды» по Ямалу, он слыл в своем деле авторитетом. И по молодости, особенно когда принимал рюмку, Никитин становился задиристым и беспощадным в критике.

Однажды нас, молодых работников газет и радио округа, пригласили на какие-то курсы в Тюмень. Прилетели мы уже вечером и взяли курс на гостиницу «Заря», в которой были забронированы места.

В гостинице, построенной еще в царские времена, была широкая центральная лестница, от которой влево шел коридор с высокими, крашенными коричневой краской дверями. И вот в этом самом коридоре мы и столкнулись с Георгием Ивановичем.

Он был выпившим и, завидев нас, измерил каждого изучающим взглядом и после небольшой паузы изрек:

- И что вас возят, как будто писать заметки не могут научить в Салехарде?

С тех пор много утекло воды. Мы изменились, и Георгий Иванович тоже. Став редактором, он почти совсем перестал употреблять спиртное. И одно удовольствие составляло говорить с ним о журналистике, о случаях из его богатой практики.

К тому времени в Салехарде создается объединение «Ямал-рыба». Его генеральным директором вначале назначают Евгения Александровича Корчагина, бывшего директора Аксарковского рыбозавода. А затем Николая Яковлевича Будылдина.

Последняя фигура настолько колоритная, что не могу на ней не остановиться.

С Николаем Яковлевичем Будылдиным я познакомился еще в Тазовском. Там он был вторым секретарем РК КПСС, а затем председателем райисполкома. Это при нем и благодаря его энергии один из самых отдаленных населенных пунктов округа получил природный газ.

Затем на смену Владимиру Диомидовичу Артееву Будылдина назначили первым секретарем Приуральского райкома партии.

Волевой, умеющий требовать Будылдин между тем всегда с особой заботой относился к тому, как живут и работают его люди. С момента назначения генеральным директором «Ямалрыбы» у Николая Яковлевича появляется еще больше возможности влиять на «человеческий фактор».

При Будылдине начинают основательно обустриваться рыбацкие поселки, модернизируется обрабатывающая база. На вооружение рыбаков ставится снегоход «Буран», который помогает осваивать новые водоемы и с полной отдачей работать на крупнейшем в России угодье подледного лова - Яптик-Сале.

Пересматривая свой архив, я нашел посвященный тем событиям очерк «Рыбацкий Самотлор».

«Когда-то в шестидесятых Петр Николаевич Первушин, будучи директором Пуйковского рыбозавода, а затем директором

Салехардского рыбокомбината, проложил путь в глубины ямальского полуострова. Его экспедиция за рыбой ряпушкой, которая и водится-то, говорят, только в трех водоемах мира, увенчалась успехом. Но не нашлось тогда у Первушина последователей и единомышленников, и дело заглохло. Возродил его десять лет спустя другой человек – Николай Яковлевич Будылдин. Причем удалось ему заставить работать промысел с наибольшей отдачей.

Телефонный звонок, приглашающий его на бюро Тюменского обкома, не был неожиданностью. В аэропорту и в самолете Будылдин и первый секретарь Ямало-Ненецкого ОК КПСС Юрий Артемьевич Долгих обсуждали, как лучше организовать промысел на водоемах округа, чтобы доля ямальской рыбы в общем улове страны была еще более весомой. В общем, знал Николай Яковлевич о чем говорить на бюро, но когда первый секретарь обкома партии полушутя, полусерьезно поинтересовался: «А что скажет нам в своей тронной речи Будылдин?» – выступил скромно. И этому было объяснение. Во-первых, не хотел, чтобы подумали, что бахвалится, во-вторых, по рукам связывала наука. Ученые из СибрыбНИИпроекта упорно настаивали на облове таежных глубин Пуровского района, характеризуя продуктивность озер астрономическими цифрами. А Будылдин диаграммой вылова за последнее пятилетие опровергал прогнозы, акцентируя также на трудностях вывоза уловов из тайги. Ведь материальная база только что созданного объединения была слаба. А без гусеничных вездеходов, тракторов как на тайгу, так и на Арктику – этого грозного белого медведя наступать бесполезно. Не отвергая доводы науки, Будылдин должен был предложить водоем, который бы выплеснул богатства подобно Самотлору. Есть такое в таежной хляби Ханты-Мансийского округа болото-озеро. Птица его облетает. Зверь обходит. А люди открыли на нем нефтяное месторождение, какому нет равных в мире...

...Копья по поводу Яптик-Сале в Салехарде ломали не один день. И все-таки Будылдину удалось его остоять... Будылдин видел, что затеваемое им дело будет хлопотным и трудным, но когда ему было легко? А Яптик-Сале оказался орешком более крепким,

чем предполагалось. Уже пошли известия о высоких уловах. Но порадоваться этому в объединении не успели. Арктика - грозный белый медведь встала на дыбы. За один день унесло на ледяных полях свыше тысячи сетей, десятки тонн рыбы и, что страшнее всего, - людей.

- Бригада не заметила, как оторвало льдину от припая, - вспоминает Николай Иванович Угля. - Да и предпосылок к этому вроде бы не было. Стоял мороз, что-то около тридцати градусов. Приличной толщины был лед. Снижающийся над палатками вертолет приняли за сюрприз. А оказалось, что авиаторы уже двое суток разыскивают нас в открытом море.

Трагичность того, что могло случиться, рыбаки поняли лишь в тот момент, когда вертолет, как гуттаперчевый мячик, отскочив ото льдины, повис над морем. Слева и справа к белому полю с ясным очертанием палаток, ровным рядом прорубей и аккуратно сложенной в мешки и насыпью рыбы тянулись черные змеи. Это трещины кромсали на куски лагерь бригады.

Грохота ломающегося льда из-за шума работы вертолета люди не слышали. Но по фонтанам взлетающих в воздух брызг и ледяных обломков, наползающих друг на друга, встающих на дыбы, представляли, какая это была сила. И еще не успел вертолет закончить разворот, как палатка бригады, медленно накренившись на бок, исчезла в пугающей бездне моря.

«...Все надо начинать сначала и по-другому», - думал Будылдин, поднимаясь в самолет. И чем был ближе Яцтик-Сале, тем сильнее в нем росло ощущение того, что, сосредоточась на главном, они там, в объединении, не увидели мелких, но существенно важных деталей. В частности, плохо работала связь, медленно шла переброска рыбаков. А время, как раз оно было сейчас дороже золота. Ведь заканчивался уже ноябрь и одна грознее другой поступали телеграммы из областного центра.

«Вот, вот. Телеграммы, звонки, разве они могут заменить живого руководства промыслом?» - поймал себя на мысли генеральный директор. «Пока депеши из Салехарда доходят до бригад всех четырех заводов - многое устаревает. Значит, нуж-

но непосредственно в Яптик-Сале сосредоточить все в одних руках».

На следующий день оперативная группа, состоявшая из главных специалистов заводов, рекомендовала на должность начальника участка П. З. Ляковского. Она же вырабатывала новую тактику, позволяющую буквально вырвать у Арктики ее богатства. Для этого напрочь отбросили прежний вариант заброски рыбаков в море. То есть не стали ждать утолщения льда, когда по нему можно будет пустить трактора с палатками и промысловым оборудованием. А определив места скопления ряпушки, прямо на них с вертолета стали высаживать рыбаков.

Другим, не менее важным вопросом в деятельности крупнейшего зимнего угодья округа оставалась вывозка уловов на «большую землю».

- Самолеты «ЛИ-2» с вооружения авиаторов снимаются, взамен их появятся более тяжелые самолеты, - выступил на совещании Ляковский. - Поэтому нам невыгодно строить взлетно-посадочную полосу на льду - снова пойдут трещины, вода. Да и слишком долго ждать утолщения припая. Не лучше ли подыскать место для грунтовой полосы.

Радуюсь разумному решению Ляковского, Будылдин думал о том, сколько грамотных, умных, преданных делу Севера людей встретил он за свою жизнь. В Тазовском это был Зиновий Саньков, в Приуралье - Николай Иванович Корепанов, Борис Иванович Ермолин, Юрий Степанович Цыбин, Гаврил Михайлович Рочев, Владимир Иванович Теткин, Геннадий Иванович Лаптев, а здесь - Геннадий Георгиевич Горицкий, Рудольф Иванович Зайцев, Николай Константинович Бобров, Александр Сергеевич Конев. Во всех делах, связанных с вопросами добычи, уже в объединении лучшими специалистами и советчиками он считал Валерия Александровича Вакарина и Виктора Ивановича Храпова.

И теперь в этой сложнейшей ситуации ему особенно нужна была их помощь. Главную ставку Будылдин делал на молодежь. Провожая бригады в море, он долго беседовал с Михаилом Худи. Пути их не раз пересекались. И в испытывающем взгляде гене-

рального директора Михаил уловил вопрос «Не подведешь?». Ответить не успел. Да и надо ли было. Он брался за дело, которое знал с малых лет. Но в отличие от других рыбацким ремеслом Михаила когда-то заставило заниматься не детское любопытство, а единственная возможность иметь кусок хлеба.

...В тот момент, когда Худи катил на упряжке собак к угодию, Будылдин уже знал о том, что он «вышел на рыбу», и собрал в кабинете главных специалистов.

- Обеспечив добытчиков связью, - начал он, - мы, по сути дела, одолели только сантиметр на километровом пути к промышленному освоению водоема. Чтобы быстрее добиться настоящих уловов, нужно создать механизированные бригады.

- Откровенно скажу, - вспоминает сейчас первый заместитель генерального директора объединения Виктор Иванович Храпов, - некоторым из нас тогда показалось, что мы ослышались. Разве можно было помышлять о дополнительной заброске транспортных средств в Яптик-Сале, когда склады «Ямалрыбы» уже и так подчистили под метелку и успели заавансироваться в Сибрыбпроме. Но в тот же момент, зная характер Будылдина, чувствовали, что он своего добьется. Уверенностью его питало то обстоятельство, что решали мы задачу незаурядную.

Начались звонки, командировки. По разнарядке в адрес объединения отгрузили трактора «С-100» и «ДТ-75». Этому надо было только радоваться, а Будылдин задумался. И вот почему. Многие, в том числе его близкие помощники, откровенно охладели к Яптик-Сале, считая, что для получения от него отдачи года мало. И в ряде первых серьезных аргументов выдвигали отсутствие такого легкого транспорта, который бы мог по тонкому льду увозить рыбаков в море. Авиация не оправдала себя. Была слишком дорога и полностью зависела от нрава капризной погоды.

А Будылдина далекая перспектива не устраивала. И он совместно со специалистами начал поиск. Вскоре объединение приобрело «Бураны»; к изготовлению которых только-только приступал Рыбинский моторостроительный завод. По мнению генерального директора, теперь цикл берег - море должен замкнуться. И он

не ошибся. Обладая легким, высокопроходимым транспортом, бригадам удавалось быстро менять места добычи и идти в глубь моря вслед за мигрирующими рыбными косяками.

А нрав Арктики оставался все таким же. Трещины и внезапная ломка льда от резкого колебания температур и дыхания океана поджидали на пути тракторные поезда. Нелегко механизаторам было и в Яптик-Сале. В гараже, как шутили они, технику можно было прятать разве только от дурного глаза, потому что стены, сколоченные из ящичной клепки, одинаково пропускали мороз и ветер. Да и кому в эту зиму было легко. Сейчас в Яптик-Сале со смехом рассказывают историю о том, как послали рыбака за водой. Долго долбился он и вернулся с пустым ведром. Точно такая же участь постигла бы второго и третьего. Ведь, как оказалось, не умея ориентироваться в море, искали воду они на берегу.

Но отступать люди не желали. Характер человеческий стал против характера Арктики. Подспорьем к энтузиазму рыбаков явилась высокая оснащенность бригад техникой, радиосвязью. Для ясной картины ледовой обстановки был заключен договор с Амдерминским метеоцентром. Настоящим праздником в Яптик-Сале стала посадка на грунтовую полосу первого большегрузного самолета.

Окружная газета «Красный Север» писала: «Дело сдвинулось с места. В Салехард пришел первый самолет с уловами Яптик-Сале, где выловлено за ноябрь 5 тысяч центнеров ряпушки...»

...Зная, что Будылдин лично контролирует работу промысла, однажды рано утром по рации на него вышел Горицкий и встревоженно сообщил:

- В такой момент, можно сказать, самый горячий и ответственный, лучшего бригадира отрывают от работы.

- Кого?

- Михаила Худи вызывают в район.

- Пусть едет. Значит надо.

По тону и по тому, как быстро согласился генеральный директор, Горицкий понял, что он знает причину вызова. Будылдин действительно знал. Накануне прочитав Указ Президиума Вер-

ховного Совета СССР, он увидел в числе награжденных фамилию Худи. Вероятно, только солидность не позволила Николаю Яковлевичу пойти в пляс...»

Логика вещей позволяла предполагать, что Будылдин с его умением организовывать будет востребован в области, а возможно в России. Так и случилось. Николай Яковлевич был назначен начальником Сибрыбпрома в Тюмени – одного из крупнейших предприятий страны по добыче пресноводной рыбы.

По всей видимости, руководство окружной газеты рассудило, что на отделе рыбной промышленности я прошел испытание. И после ухода Камитова сразу же назначило заведующим отделом промышленности. А чуть спустя промышленность слили со строительством, и я стал заведующим отделом народного хозяйства, самого большого в редакции. Кроме этого, как правило, подготовка первой полосы, начиная с передовой и заканчивая подборкой информации о последних событиях в округе, ложилась тоже на плечи отдела. И чтобы насыщать в полном объеме прожорливую первую полосу, я воспользовался испытанным в журналистике приемом – постоянно привлекал для этих целей внештатный актив. В его первых рядах были наши коллеги из окружного радио – А. Омельчук, Ю. Кукевич, А. Леошков, В. Юхневич и другие. Прибавилось и командировок. Особенно часто приходилось бывать на Ямбурге. Ведь он, несмотря на существование Нового Уренгоя, стал поистине полигоном. Вахтовый поселок здесь строился нового образца. Монтаж объектов добычи газа шел впервые при помощи суперблоков, транспортируемых по воде. И впервые же здесь были развернуты работы по восстановлению нарушенного земляного покрова. Чтобы дать читателю более детальное и ясное представление о размахе работ в то время, в одной из статей я привел выступление начальника Главямбургнефтегазстроя Игоря Александровича Шаповалова на партийно-хозяйственном активе Тюменской области.

«...Прошло ровно два года после принятия Постановления ЦК КПСС и СМ СССР по Ямбургскому газоконденсатному месторождению. Сделано немало, созданы коллективы газодобытчи-

ков, буровиков, строителей, транспортников. Только на самом Ямбурге сейчас работает восемь тысяч человек. Создано семь новых трестов. И формирование коллективов продолжается.

Главыамбургнефтегазстроем на 12-ю пятилетку определены новые рубежи. Это прежде всего:

Построить и ввести мощности на Ямбурге и вывести это месторождение в 1980 году на проектную отметку.

Построить 36 компрессорных станций.

Продолжить реконструкцию первенца газовой индустрии округа - Медвежьего.

Закончить работы на Новопортовском экспериментальном нефтегазоконденсатном месторождении.

Выйти на полуостров Ямал и дать газ с Бованенковского месторождения в 1991 году.

Продолжить наращивание мощностей в Харпском промузле. Он должен будет в 1990 году выпускать 600 тысяч квадратных метров ЖБИ! Миллион кубометров щебня и другие строительные материалы.

Не менее важная для нас задача - освоить капвложения на жилье и соцкультбыт. За пять лет силами организаций Главямбургнефтегазстроя надо возвести вторую очередь города Надыма со всей социальной инфраструктурой.

Иными словами, подразделениям Главка надо освоить 2,3 - 2,5 миллиарда рублей на строительно-монтажные работы. Задача сложная, но выполнимая...»

Нельзя обвинять Игоря Александровича Шаповалова в переоценке возможностей. Начиная в скрипучих вагончиках, собственно с аварийным светом и при остром дефиците питьевой воды (рыжая вода из губы для этих целей не годилась, и вместо нее все, в том числе и я, пили гранатовый сок, от которого уже тошнило) главковские строители сумели создать в кратчайший срок такие современные условия для проживания вахтовиков, каких Ямал еще не знал. Параллельно день и ночь кипела работа по строительству порта, дорог, компрессорных станций. Но, к сожалению, всего запланированного возвести не удалось. Начиналась

перестройка, ломавшая экономику и с удивительной легкостью перечеркивающая все достижения предыдущего строя.

Некоторое повышение по службе меня как-то не очень обрадовало. Может, я уже вырос из рубашки? По крайней мере, так высказался Георгий Иванович Никитин после того, как я по его предложению подготовил материал для журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», и тот сразу же был опубликован. Были и другие обстоятельства, делающие работу в «Красном Севере» неинтересной и даже невозможной.

Однажды по итогам промышленно-хозяйственного актива в Салехарде я опубликовал отчет. Обычный, невыдающийся. А меня вдруг пригласили ко второму секретарю окружкома КПСС Александру Адамовичу Шульге.

- Вы заведующий отделом народного хозяйства и не знаете, сколько в округе добывается газа?

- Вроде цифра указана правильная, - попытался защититься я.
- Ведь она взята из выступления на активе председателя Лабытнангского горисполкома.

И подал это выступление Шульге. Даже не взглянув на него, тот сердито бросил мне:

- Видишь, сколько мы добываем газа. - И на листке бумаге крупно написал цифру. Потом, видимо, решив себя проверить, по внутренней связи позвонил заведующему отделу промышленности окружкома М. К. Исламову. А он назвал цифру, которой и рядом не было.

- Что? - с угрозой и растерянностью бросил в трубку Шульга, а мне показал на дверь.

- Выйдя от второго секретаря, я сразу же пошел к Валерию Димидовичу Артееву, заведующему отделом пропаганды. Знакомы мы были тысячу лет, поэтому обращались друг к другу на «ты».

- Я уволюсь.

- И куда пойдешь?

- Предложили работу в московском журнале «Северные просторы».

- Никто тебя не отпустит, так что продолжай трудиться.

Но, естественно, ни он, ни я не знали, что скоро снова мне придется иметь неприятный разговор с окружкомом партии.

Из объектов, которым мой отдел уделял наиболее пристальное внимание, был Ямбург и Пуровский район.

На Ямбурге я одно время, когда генеральным директором объединения работал Пашин (имени-отчества не помню), жил неделями. Еще бы, как уже говорилось выше, здесь много делалось такого, что в бывшем Союзе считалось суперсовременным. Но прежде чем планы реализовались, прошел не один год. И проблем, недостатков, упущений оказалось море. Их я взял на прицел. И выступил, критикуя Главк за некачественное строительство шпунтовой набережной в порту, отклонение от проектов и технологии при отсыпке промысловых дорог и т. д.

Прочитав статьи по Ямбургу, бывший начальник Главка Игорь Александрович Шаповалов позвонил мне и поблагодарил за объективную оценку и глубокий анализ ситуации.

Несколько месяцев спустя я подготовил три статьи по Пуровскому району. В них проанализировал ход строительства железной дороги, обустройство нефтяных и газовых месторождений, рассмотрел вопросы «человеческого фактора».

Для того чтобы облегчить себе работу, а главное, чтобы получить достоверную информацию о состоянии дел, я пошел на следующий шаг.

В одно время со мной в Пуровском районе находились работники окружного комитета народного контроля. Они дотошно, по своей собственной методике добывали сведения о ситуации в Пуре. И я решил воспользоваться некоторыми их трудами. Но хорошо понимая, что так просто документы мне никто не даст, угостил шоколадом машинистку. И копии проверки тут же оказались в моей папке.

В Пуровском районе статьи получили хороший резонанс. Первый секретарь РК КПСС Лев Сергеевич Баяндин прислал в редакцию газеты ответ на двух листах, в котором он согласился с недостатками, указанными в статье, и сообщил о конкретных мерах по их устранению... Но реакция окружкома партии была

другая. Там посчитали, что я «перекритиковал» руководителей организаций и власть района. «На ковер» к Миронову был вызван редактор «Красного Севера» Николай Иванович Горбенко, и, вернувшись обратно, трясущимися губами стал выдавать в мой адрес «ласкающие» слух выражения. Хотя должен был понять, что я опирался на факты, в большинстве своем вскрытые народным контролем, и совсем не придумал претензии к Челябинскому тракторному заводу. Их высказали механизаторы объединения «Пурнефтегазгеология». Сводились они к следующему: на новой партии тракторов этого завода правые гусеницы имели привычку сваливаться с тележек, а система запуска замыкать. Причем так, что угрожала вывести из строя самые чувствительные мужские органы. Естественно, руководство экспедиции пригласило для разборок конструкторов и сборщиков завода. Которые, в частности по поводу неадекватного поведения тракторной «обуви», пытались убедить всех, что используют они уж больно в жуткой грязи, то есть не в тех условиях. Но, как известно, рабочим людям пальца в рот не клади, и они загнали в тупик заводчан вопросом:

– Это как же так получается, левые гусеницы используются в тех условиях, а правые, выходит, не в тех?

Миронов, со слов Горбенко, по этому поводу негодовал особенно:

– Да как же Дудников посмел затрагивать этот вопрос. Ведь мы в обход «верхов», напрямую договорились с челябинцами о поставке тракторов!

Сохранившаяся в моем архиве газетная полоса от 30 апреля 1985 года испещрена редактором пометками, вызванными недовольством главного человека округа и в отношении других аспектов. В частности, против шестой колонки полосы, начинавшейся: «Все эти вопросы неоднократно рассматривались окружкомом КПСС. Давались заверения ответственными работниками аппарата Пуровского райкома КПСС, но положение меняется медленно. Видимо, прежде всего потому, что райком слабо вникает в то, как в объединении заботятся о людях. А ведь решение

производственной программы зависит именно от них...» - рукой Горбенко написано: «Константин Иванович сказал: «Это грубый, бестактный выпад против окружкома!»

Что в этой ситуации было делать? Только искать работу. Но где ее было взять? Несколько месяцев я еще исполнял свои обязанности в «Красном Севере». За это время Колю Горбенко, как не справившегося с руководством окружным печатным органом, сняли с работы. И редактором стал Виктор Дмитриевич Котов. Это был журналист, но тоже не руководитель. А может, он просто не желал себя надолго связывать с газетой, поэтому сквозь пальцы смотрел на утечку кадров. Пришел к редактору с заявлением и я.

- А ты куда? - с удивлением уставился на меня Котов.

- В пресс-центр Миннефтегазстроя.

- Я понимаю, что жизнь у тебя не сахар, но сначала договорись там железно и уж потом забирай трудовую.

Но я настаивал на своем, потому что начальник Главямбургнефтегазстроя Игорь Александрович Шаповалов обещал все решить. А он слов на ветер не бросал.

Однако, оказавшись в ведомственной прессе, я сразу же понял, что это не мое дело. Надо было петь нефтегазстроевцам дифирамбы, критиковать «не моги». Учили что и как писать все, начиная от мастера до технички. И попробуй возрази. Впрочем, по поводу ликбеза в журналистике мне вспомнился один интересный случай.

Как-то вместо обычной планерки Горбенко вдруг объявил:

- Всем одеться и друженько в окружком партии.

Оказавшись в кабинете секретаря окружкома партии Анатолия Васильевича Вылкина, мы увидели какие-то старые книги и вырезки из газет. Скоро к хозяину кабинета присоединилась Розалия Ивановна Ильина. (Времени прошло много, и теперь даже бывшие аппаратчики точно не помнят, кто из этих двоих менял друг друга и менял ли вообще. Но я абсолютно точно помню, что Розалия Ивановна имела учительское образование, Анатолий Васильевич - рыбное.) И эти два руководителя, ни-

когда не работавшие в журналистике, стряхнув пыль с книг, изданных где-то сразу же после Октябрьской революции, принялись нам читать лекцию об истории создания советской прессы, ее целях и задачах. Когда Розалия Ивановна и Анатолий Васильевич посчитали, что первый этап обучения нас уму-разуму закончился, перешли ко второму. А именно, стали учить, кого критиковать можно, а кого нельзя. Естественно, нельзя было даже в сугубо упоминать в числе «плохишей» партийные органы. Впрочем, сейчас уже все возвращается на круги своя. На юге Тюменской области коллеги мне рассказывали, что на какую-то денежную прибавку или премию может рассчитывать только тот печатный орган, который определенное количество раз в неделю в самом лучшем свете подаст деятельность губернатора Собянина.

Пока я работал в пресс-центре, в стране произошли большие перемены, называемые перестройкой. Они обещали многое изменить. По крайней мере, когда у нас закончилась беседа с первым секретарем окружкома КПСС Валерием Петровичем Первушиным, я спросил:

- А как я могу попасть к вам в следующий раз?

- Очень просто. Открываешь дверь и заходишь.

Возможно ли было такое во времена Миронова? Или, к примеру, сейчас?

А к Валерию Петровичу я приходил по поводу работы. И он пообещал переговорить с редактором «Тюменской правды».

Спустя полмесяца меня пригласили в Тюмень. Виктор Семенович Горбачев принял очень доброжелательно. Попросил рассказать о себе. Задал вопросы, касающиеся в основном развития нефтегазовой отрасли округа, и, видимо, удовлетворенный, решил:

- Хорошо. Берем.

Здесь же мне выписали удостоверение собственного корреспондента по Ямало-Ненецкому автономному округу, и, вручая его, Виктор Семенович смеясь проговорил:

- Вот теперь ты социально опасен.

Прилетев в Салехард, я зашел в «Красный Север», где у Люды Мазуниной оставлял свой небольшой архив. В кабинете ее не было. Сказали - у ответственного секретаря.

В секретариате действительно толпился народ. И новый редактор, работавший до этого в районке в Яр-Сале (по-моему Иванчук), увидев меня, развел руками:

- Извини, Федорович, я тебе предлагал должность корреспондента, а сейчас уже и этой возможности нет.

- А зачем ему твоя милость, - вмешалась Мазунина, уже знавшая о моих служебных переменах. - Николай сейчас собкор «Тюменской правды» по Ямалу.

- Да ну! - только и нашелся сказать ошарашенный новостью редактор. Вполне допускаю, что смутило его, в первую очередь, нетрадиционное решение вопроса. Ведь во все времена собкоры «тюменки» были, по сути, номенклатурой обкома. А как же на эту должность мог быть назначен не коммунист?

Честно признаюсь, что в начале работа в областной газете не получалась. Не мог взять правильный тон, манеру подачи материала соответствующую и традиционно сложившуюся в этом печатном органе. Но нашлось множество помощников в лице Раи Ковденко, Володи Корепанова, Юрия Бакулина и других. Они поддерживали, наконец, просто на примере своих публикаций учили. И у меня получилось. Я передал в редакцию материал о бесчинстве речников, раскапывающих горную реку Собь в районе национального поселка Катравож, жители которого, обеспокоенные исчезновением в реке рыбы, перекрыли бударками реку от берега до берега, не пропуская земснаряды.

Материал попал к Володе Корепанову, и он, понимая его актуальность, понесся к ответственному секретарю Владимиру Александровичу Фатееву. И он на завтра же появился в номере и был отмечен в числе лучших. А следом обком партии сделал так называемые оргвыводы. Вызван был на ковер начальник речного пароходства, и добыча песчано-гравийной смеси, которую сами капитаны называли «грязью» и которая по структуре своего стро-

ения была пригодна лишь для икромета рыбы, а не для строительства дорог, была запрещена.

Много лет спустя мне пришлось отправлять контейнер с причала пароходства. А там работает мой земляк. И я за его спиной услышал, как какой-то мужчина стал просить познакомить его с тем, кто своим пером выгнал пароходство с Соби, лишил, возможно, наград и фантастического заработка. Ведь пароходство, не имея никакого проекта, черпало «грязь» прямо из русла и, углубив его до тридцатого километра, позволило на этом участке хищной рыбе подниматься к нерестилищам.

Работая в «Российской газете», я много раз бывал за границей. Но впервые меня все-таки командировала «Тюменская правда». И я с делегацией от Ямала побывал на крупнейших рыбоперерабатывающих предприятиях Китая. Все там было не так, как у нас. И иногда просто дико. На загрузке транспортера готовой продукцией работали женщины. В том числе вместе с другими ящики с консервами поднимала женщина, видимо, на последнем месяце беременности. Когда я спросил ее, почему она не бережет себя, китайка ответила, что так называемого декретного отпуска на их производстве не полагается. А кроме будущего малыша у нее еще трое мал мала меньше. И всех надо кормить.

Опубликовав творческий отчет из этой далекой, экзотической страны, я вскоре побывал со строителями Главямбургнефтегаз-строя на землетрясении в Армении, на Байконуре. Правда, прежде было мое письмо командиру космодрома генерал-лейтенанту А. Крыжко. И вот его ответ.

СССР. Космодром Байконур. 22.12.1989 г.

Тов. Н. Ф. Дудникову. Тюменская обл., Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, 105, кв. 1.

Уважаемый Николай Федорович!

Ваше письмо получено и рассмотрено. Понимаю и разделяю Вашу озабоченность в вопросе загрязнения окружающей среды от проводимых пусков ракет. Считаю необходимым поставить Вас в из-

вестность о том, что этот вопрос постоянно находится в центре внимания руководителей самого высокого ранга, т. к., с одной стороны, пуски космических аппаратов различного назначения, в том числе и народно-хозяйственного, приносят колоссальный экономический эффект для страны в целом, что на сегодняшний день является стержневой основой, обеспечивающей успех перестройки, с другой стороны, отделяющиеся части ракет-носителей вместе с оставшимися компонентами топлива наносят вред окружающей среде.

В настоящее время в связи с этим в Верховный Совет представлены предложения, позволяющие компромиссно разрешить существующую проблему.

По существу затронутых Вами вопросов в письме хочу сообщить следующее.

1. Территория Ямало-Ненецкого автономного округа, а тем более северная оконечность полуострова Ямал, не используется для падения отделяющихся частей ракет, запускаемых с территории нашего космодрома. По этому поводу Вам необходимо обратиться в войсковую часть 13991 по адресу г. Мирный, Архангельская обл., командиру войсковой части 13 991.

2. Я с удовольствием отвечу на все интересующие Вас вопросы при личной встрече. Приглашаю посетить наш космодром в любое удобное для Вас время с предварительным уведомлением.

Пользуясь представленной возможностью, поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю творческих успехов в Вашей трудной работе.

С уважением
начальник космодрома «Байконур»
А. Крыжко

Если верить этому письму, ракеты Байконура обходят стороной Ямал, да и, наверное, всю Тюменскую область. Но русский глазам не верит. Ему надо пощупать. И, оказавшись на космодроме, я понял, что не все в ответе большого командира соответствует действительности.

А точнее в статье «На фоне космоса ненецкое семейство...» я потом написал:

«Содержат ли «железки», падающие на нашу землю с небесной выси, радиационную заразу? На космодроме заверили, что компетентнее В. Доронина человека в этом вопросе нет. А он голову дал на отсечение: такой опасности их техника не несет. Ведь в качестве топлива в космических летательных аппаратах – безобидные керосин и кислород.

Правда, потом Доронин все же признался, что у правила есть исключение – корабль «Протон». Он работает на агрессивных компонентах топлива. И когда ступень отделяется, то в пространство, а следовательно, в воду и на землю, проливается до двухсот килограммов вещества, которое для природы скорее яд, чем бальзам. Однако он утверждал, что такие ракеты с Байконура не стартуют.

А откуда? Может, с космодрома Плесецк?

- Нет! Нет! Мы с «Протонами» дела не имеем! - открестился от этой ракеты и заместитель начальника штаба Плесецка В. Василенко.

Не знаешь кому и верить. Что в таком случае значит снимок, который мне дали на Байконуре? На нем запечатлен момент, когда «Протон», весь в облаках, готовится к прыжку в космос.

Может, эти старты в прошлом? Однако то, что «Протоны» использовались – неоспоримый факт. Тогда хотелось бы знать, где и в каком количестве, на горе всему живому, распространяли их останки заразу? Председатель Уватского районного Совета Ю. Свяцкевич вспоминает, как в 1987 году внезапно появились и буквально обложили район люди в военной форме. Их было много, и они что-то тщательно искали. Теряясь в догадках, Свяцкевич подал депутатский запрос Д. Язову. Министр обороны отказался удовлетворить его законное любопытство, но заверил, что такое больше не повторится.

Столь же исчерпывающие ответы получал, по сути, и я. Причем плесецкие специалисты оспаривали даже термин «пассивный полигон» применительно к Тюменской области. По их мнению,

место падения отделяющихся частей ракет никак нельзя назвать полигоном. Однако «Советский энциклопедический словарь» на этот счет сообщает следующее: «... участок суши или моря, предназначенный для испытания оружия, боевых средств, техники»...

Допускаю, что два первых определения не из этой оперы, но разве ракета, даже используемая в мирных целях, не является техникой? И чем же, как не полигоном, можно назвать участок суши, где запрещена народно-хозяйственная деятельность и который стал просто свалкой космических железок? Здесь ранят ноги олени, здесь небезопасно ходить людям.

Но не надо думать, что если свалка, то нет порядка. За двое-трое суток до запуска космического аппарата военное ведомство дает телеграмму местному Совету, на чью территорию должен приземлиться «подарок». Всех, кто работает поблизости с опасной зоной, рекомендуется эвакуировать. Но эта система предосторожности иногда допускает осечки. К примеру, около двух лет назад Плесецк потребовал отогнать на полуострове Ямал оленье стадо за сорок километров от опасной зоны. И ровно настолько же космодром ошибся в расчетах. «Подарок» (или, если хотите, отделяемая часть наружного ракетоносителя - ОЧНР) весом в 5-6 тонн ухнул рядом с чумом оленеводов...»

Дважды посчастливилось мне побывать на атомных ледоколах, когда они осуществляли проводку караванов по Карскому морю к Харасавэю, и передать читателям посредством пера всю грандиозность и масштабность этой народно-хозяйственной операции.

В общем, «Тюменская правда» для меня была большой школой, очередной ступенью профессионального роста.

Но в один прекрасный день позвонили из приемной главы администрации Ямало-Ненецкого автономного округа Льва Сергеевича Баяндина и пригласили зайти.

Лев Сергеевич, несмотря на мои «сердитые» статьи, когда-то опубликованные в «Красном Севере», после которых ему от Миронова все же перепало, относился ко мне всегда приветливо. И тут, предложив чай-кофе, расспросил о житье-бытье, проблемах и только затем выложил то, ради чего назначал встречу.

- Понимаешь, в Москве зашел разговор о наборе кадров в новую «Российскую газету», орган Верховного Совета РСФСР. Редактору хотелось бы иметь в качестве собкора кого-то из местных. И я предложил тебя. Как ты на это смотришь?

Никак. Я просто растерялся. Еще бы, мне предлагали работу в центральной печати. О таком я не мог мечтать. А придя в себя, после большой паузы поинтересовался:

- Как это может произойти реально?

- Очень просто. Вот тебе телефоны. Связывайся и лети устраиваться.

Втихую, чтобы ничего не знали в «Тюменской правде», я сорвался в Москву. «Российская газета» тогда располагалась на каком-то шоссе, почти за городом. Поднявшись в лифте на этаж, толкнул одну дверь, вторую - никого. И только третья распахнулась, а там целое собрание. О чем-то спорят, доказывают, просят. Вышедший из-за стола плотный, среднего роста человек поинтересовался:

- А вы к кому?

- Да, понимаете, с Ямала.

- Подождите.

Мужчина, как потом оказалось главный редактор газеты Логунов, порывшись в своей папке и вытащил на свет бумажку.

- Дудников?

- Да.

- Прекрасно. Как раз вовремя. Мы с Полтораниным беседуем с собкорами.

«Полторанин», - пронеслось у меня в голове. Так это же министр пропаганды. И сердце сразу же ушло в пятки.

Наверное, поняв мое состояние, Логунов подвел меня к креслу и предложил:

- Сейчас отвечает на наши вопросы будущий собкор из Орловской области. А потом мы побеседуем с вами.

Пока разговаривали с орловцем, аудитория опустела. Журналисты, видимо, получив визу главного, пошли в отдел кадров оформляться. А я от нечего делать взялся перелистывать «Рос-

сийскую газету». И сразу же был разочарован. Какая это центральная пресса, если издается на четвертушке, на листке форматом чуть не в ладонь. Потом, как не возьму выпуск, везде только одно – бичевание коммунистов. Будто других важнейших тем не существовало. А у меня, несмотря на то, что был ими прилично обижен, имелось несколько другое мнение. В частности, я всегда считал и считаю, что авангард партии составляли люди честные и достойные.

В общем, когда до меня дошла очередь, я потерял к газете интерес и отвечал на вопросы без энтузиазма, невпопад. А потом и вовсе поднялся и хотел уйти. Но Логунов остановил.

– Вам не нравится газета? Но пройдет время, и она изменится. Причем в какой-то мере с помощью вас, в котором мы видим специалиста по северу.

Эти последние слова откровенно подсластили пилюлю, и я остался беседовать с начальством. Потом написал заявление и в Салехард уже вернулся собственным корреспондентом «Российской газеты» по районам Крайнего Севера России.

Не успел еще раздеться, поделиться новостью с домашними, как зазвонил телефон. Поднимаю трубку, а там Вера Васильевна, заведующая корсетью, она же стенографистка «Тюменской правды».

– Дудников, ты совсем от рук отбил! Почему не звонишь и вот уже почти неделю не передаешь материалы?

– Приеду, все объясню.

– А тебя никто не приглашал.

Был это, по-моему, конец мая. В Тюмени стояла жара, а я чуть ли не в зимнем одеянии и запыленных ботинках. Подошел к редакции и проверил еще раз содержимое папки, в которой лежал один-единственный документ – отношение на перевод. Кстати, с ним была связана целая история.

Как всем, так и мне отдел кадров выдал обычное, типовое отношение. Но в данном случае его текстом я мог просто обидеть Виктора Семеновича Горбачева. Ведь как он, так и «Тюменская правда» переживали в 1991 году не лучшие времена. Из партий-

ной печати люди просто-напросто бежали. А я не хотел, чтобы мой уход выглядел именно так. Потому что помнил и всегда буду помнить доброту Виктора Семеновича. И исходя из этого попросил Логунова написать редактору «тюменки» что-то в виде письма.

Вера Васильевна, увидев меня в приемной, просто хищно подпрыгнула и, приоткрыв дверь кабинета Горбачева, сердито известила:

- Он наконец-то явился!

Виктор Семенович, знакомившийся с оттиском нового номера, поднял голову и указал на кресло рядом с приставным столиком.

- Ну, рассказывай, где тебя носило?

Я, стараясь не выдать голосом волнение, промолчал и, открыв папку, подал редактору документ. Текст его был таковым:

«Редактору Тюменской областной газеты «Тюменская правда» тов. Горбачеву В. С.

Уважаемый Виктор Семенович! Всегда трудно отпускать из редакционного коллектива журналиста, на которого можно было бы положиться. Если Н. Ф. Дудников был таковым, то пусть Вас утешит то, что он уходит в центральную печать. Поэтому прошу Вас не держать на меня в сердце обиды и дать Н. Ф. Дудникову перевод в «Российскую газету».

Главный редактор «Российской газеты» В. А. Логунов».

Виктор Семенович прочитал отношение. Помолчал. А потом нажал кнопку вызова секретаря. Появилась Валя, следом за ней тут как тут Вера Васильевна.

- Валя, Вера Васильевна! Собирайте всех, кто есть. Будем провожать Николая.

- Как? - всплеснула руками заведующая корсетью.

- Уходит! Уходит от нас Коля.

После «Тюменской правды» было непривычно, что каждый день не надоедает корсеть. Не надо выполнять план по строкам. А постановочный, проблемный материал позволялось писать несколько месяцев, потому что фактуру для него требовалось на-

бирать со всего огромного региона, а это, естественно, время. Командировки если не на Ямал, то на Таймыр, а то и в области центра России.

Ощущение того, какую силу несет в себе центральная пресса, я испытал сразу же. А конкретно после одной из первых статей «Пантокрады».

«Сначала заготовка пантов сулила только блага. Буквально лесом из рогов обросли забойные пункты совхозов Ямало-Ненецкого округа. И вдруг за «хлам», который сгребали в кучи, крошили гусеницами тракторов и вездеходов, обещают немалые деньги!

В Москве с участием ямальцев создано совместное советско-американское предприятие «Ранторин». Цель собирать и перерабатывать панты северного оленя в высокоэффективные лекарства, например, ранторин, сравниваемый по целебности с женьшенем. И закрутился бартер. С севера - панты, на север - импортное оборудование для сушки, первичной переработки продукции, одежда, обувь. Случались и курьезы. Так на доллары, заработанные оленеводами совхоза «Ярсалинский», администрация вместо снегоходов и лодочных моторов приобрела пляжные костюмы.

Наметились и разногласия между поставщиками сырья «Ранторина» с «Агросевером». Последний задолжал тундровикам около двухсот тысяч долларов и рассчитываться решил не деньгами, а тряпками, которых сейчас в России пруд пруди.

А по большому счету, началось элементарное околпачивание доверчивого коренного населения. Механизм хорошо прослеживается в действиях кооператива «Витт» из Норильска.

Гыданский рыбокооп закупает панты у частных лиц по 100 рублей за килограмм, а норильчане - по 500. Сбитые с толку этой ценой ненцы, естественно, хотят иметь дело с предпринимателями. И попадают в капкан. Потому что масло им подсовывают за 400-500 рублей, а бутылку спирта аж за тысячу. Между тем в Гыданском рыбокоопе масло по цене 30 рублей...»

Ссылаясь на заседании на статью «Пантокрады», председатель Комиссии по вопросам социального и экономического разви-

тия автономных республик, автономных областей, автономных округов Верховного Совета России З. Корнилова потребовала «в складывающейся ситуации незамедлительного государственного вмешательства». Оно вскоре выразилось в выдаче специальных лицензий на сбор и заготовку пантового сырья. А кооператив «Витт», опутавший своей деятельностью всю таймырскую и ямальскую тундры и не пожелавший ее узаконить, был просто-напросто ликвидирован.

Естественное состояние собкора - подвижность. А центральной прессы еще своевременное реагирование на политику государства в регионах. И как закономерность в рамках развития экономических и политических связей с бывшими странами Союза в «Российской газете» появилась моя статья «Зачем белорусу Север Крайний?». Отвечая на свой собственный вопрос, я ссылался на приказ министерства БССР № 727 от 24 июня 1980 г. «Образовать на базе строительных организаций министерства промышленного строительства БССР трест-площадку № 37 и направить на север Тюменской области».

- Белорусским строителям выпала честь строить красивейшие в Западной Сибири города — Губкинский и Лангепас, - рассказал мне В. Игнатко, выросший на наших «северах» с рядового специалиста до «генерала».

- Мы принимаем участие в строительстве оснований под буровые, внутрипромысловых дорог, зимников и ледовых переправ. Нынче эта производственная программа потянула почти на миллиард рублей.

Впрочем, вполне возможно, что уже в ближайшей перспективе цифра «летающих» вахт изменится в сторону увеличения. Связано это с процессом слияния России и Белоруссии в одно Союзное государство и с укрупнением масштабов совместного освоения российских недр...

Стабильное, поступательное развитие Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов с момента объявления их самостоятельными субъектами федерации не пустой звук, не моя фантазия.

Это отмечают руководители государства, не раз бывавшие в этих нефтегазовых регионах. Кстати, мне приходилось со многими из них работать. Но особенно запомнилась самая первая командировка в составе бригады Б. Н. Ельцина.

В один из августовских дней 1991 года мне сообщил о важной командировке заведующий нашей корсетью Александр Бакадыров. А позднее вечером позвонил сам Логунов. Чувствуя мое волнение, он пытался подбодрить:

- Представьте себе, что перед вами не Президент страны, а обычный директор совхоза. С ними вы умеете общаться и с президентом ведите себя точно так же.

Напутствие главного редактора мне, кажется, помогло. Потому что, оказавшись в аэропорту в группе встречающих, я не дрогнув представился Президенту. А он, услышав слова «Российская газета», одобрительно заключил:

- И здесь наши.

Видимо, узнав, что Президент в окружную столицу прилетит в коричневом костюме, в Салехарде сбились с ног, но нашли такого цвета «Волгу». Ее хозяином был рабочий горгаза Петр Тимкин.

После совещания в Доме Советов мы полетели в Надым. И при наборе высоты над Салехардом нас неожиданно ослепило ярким свечением в районе комбината. Тут же московские журналисты обратились ко мне за объяснением. Пришлось выкручиваться. Зная, что это всего-навсего свалка отходов баночной жести, я сообщил пассажирам самолета, что перед глазами только что поступивший на комбинат металл.

Что-то похожее было и в Ханты-Мансийске. При снижении над ним кто-то обратил внимание на вертолет среди картофельных грядок. Журналисты снова ко мне. Не является ли вертолет продуктом катастрофы? Здесь я был готов к ответу и говорил чистую правду, которая сводилась к тому, что эту отслужившую винтокрылую машину пилот-пенсионер поставил на своем участке в качестве дачи.

А подводя в публикациях итоги трехдневной поездки по округам, насыщенной встречами на газовых и нефтяных промыслах,

у строителей и транспортников, я привел слова Президента, который поблагодарил глав администраций Ямала и Югры за создание обстановки развития и стабильности в регионах. За счет этих качеств и нынешних первых руководителей наши «севера» успешно набирают очки и за рубежом. И я, по возможности, пытаюсь тоже внести свою небольшую лепту.

Приняв участие в заседании Постоянного комитета парламентариев Арктического региона в столице Канады Оттаве, я опубликовал материал «У Арктики будет крыша», в котором член Комитета от России Юрий Неёлов предложил обсудить вопросы Северного морского пути в интересах арктических стран, координации усилий по защите окружающей среды и решения проблем коренных народов, населяющих побережье Ледовитого океана. Инициатива ямальского губернатора была встречена с одобрением.

А в материалах из Эмиратов, объединенных одним общим заголовком «Нефть горячих песков», я провел параллели в процессе труда нефтяников, которым одинаково трудно: одним – на севере, другим – среди горячих песков. И, как выяснилось, многие проблемы у них идентичны.

Какие темы сейчас мне не дают покоя? Прежде всего, попытка Тюмени снова подмять под себя округа. А это «счастье» мы когда-то испытали и больше его не хотим. Впрочем, кто в таких случаях спрашивает согласия народа. В юг Тюменской области уже «вбиваются» миллиарды рублей ямальских и хантымансийских денег. А что взамен? Только «Картошкино горе»? Так у меня называлась статья, опубликованная в «Российской газете». Вкратце речь в ней шла вот о чем.

«...Существует мнение, что в отличие от других «северов» Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам крупно повезло. Ведь до того, как они стали называться самостоятельными субъектами Российской Федерации, они являлись составной частью Тюменской области. А на юге этого региона всё растёт. Знай себе только закупай и кушай на здоровье!

И это в чем-то справедливо. Тем более что «севера» «вбили» в юг области такие деньги, что другим и не снилось. В Заводоуков-

ске на средства Ханты-Мансийского округа построен крупнейший в Европе комбикормовый завод. В Юргинском районе - три мясоперерабатывающих цеха. Не отстали и ямальцы. В Чикче построили голландский комбинат по переработке картофеля. А в Нижней Тавде силами нефтяного Ноябрьска - цех по переработке мяса и так далее.

Исходя из всего этого округа вправе претендовать на дешевую и качественную картошку юга области. Однако тут и начинаются заморочки. Во-первых, картошка им обходится дороже самого экзотического африканского фрукта. А во-вторых, качество ее далеко от стандартов. По заключению сельхозинспекции из всей партии «второго хлеба», поступившей осенью прошлого года из Тюмени на Ямал, оказалось только 40,6 процента полноценных клубней. Остальное - гниль. Со свеклой и того хуже. Несъедобным оказалось почти 74 процента...»

Но я хочу надеяться, что пока у власти стоят такие умные и грамотные политики, настоящие патриоты своих территорий, как Юрий Васильевич Неёлов и Александр Васильевич Филиппенко, - тюменская идея не пройдет. Крепко озадачил меня и документ Президента России о создании экономических зон. И здесь, конечно, не обойдется без Ямала. Из которого, особенно в последние годы, высасывают деньги самым бессовестным образом. И не будет ли это новым шприцем с той же самой целью? А «дежурными» и также важнейшими темами остаются экология, проблемы малочисленных народов севера. Последние я очень близко принимаю к сердцу. И, видимо, не должно быть иначе. Ведь родился в национальном поселке Ямало-Ненецкого округа.

*Атомный ледокол «Россия»
в Карском море*

*Знатный кормилавич Шурыйшкарского
района и округа М.Г. Кельчин
с сыном Владимиром*

Одна из переправ на Бованенковском месторождении

*Известная расфасовщица
Салехардского рыбоконсервного
завода Д.Ф. Колмакова*

Рыбак - звучало гордо!

*Мастер икорного отделения
Салехардского рыбоконсервного
завода Т.И. Романова*

*Начальник рыбоконсервного цеха
Салехардского завода
Л.М. Шишакова*

*На Салехардском рыбоконсервном заводе
принимают осетров*

*На промысле герой пятилеток,
рыбак Аксарковского рыбозавода С.А. Альма*

*М. Худи - некогда знатный рыбак
Пуйковского рыбозавода*

*На рыбном угодье бывший
начальник Главного управления
рыбной промышленности округа
Н.Я. Будылдин (слева)*

Счастье молодого рыбака

*Одни из первых руководителей Салехардского
рыбоконсервного комбината: Н.А. Ясинский
- директор, В.К. Герасимов - парторг,
Ф.Н. Русакова - начальник консервного цеха,
П. Волохов - председатель профкома*

Салехардский рыбоконсервный завод

Рабочий момент в рыбоконсервном цехе

*Богатыми были подводные уловы
на Соби*

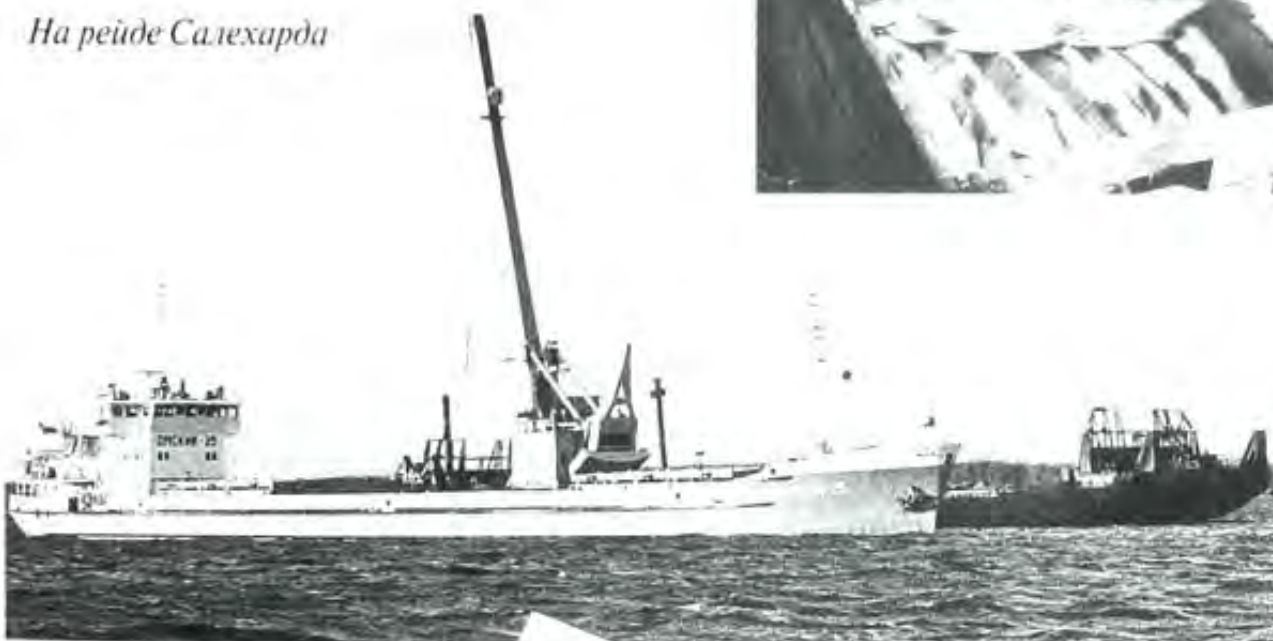
Осетровая путина

Салехардский гидропорт (фото В. Рочева)

Кавалер ордена Ленина и Трудового Красного Знамени кормилач Аксарковского рыбозавода Ю.С. Цыбин. Его рекорды так и остались недостижимыми

На рейде Салехарда

На плашкоуты поступает муксун

Совещание молодых работников рыбной отрасли округа и комсомольского актива

*На китайском
рыбоконсервном
заводе
(третий слева
автор книги)*

*В Китае
невод тянут
женщины*

*Печатник Салехардской типографии
А.Ф. Бешкильцев*

*Заместитель редактора газеты «Красный
Север» Г.И. Тутолмин в своем кабинете*

*В кулуарах работники
Салехардской типографии*

*«Красный Север».
Слева направо: заведующие
отделами редакции -
В.С. Кузнецов,
Л.С. Мазунина,
Н.Ф. Лудников*

*Коллектив
типографии
и редакции окружной
газеты
«Красный Север»*

*Коллектив
Салехардской
типографии*

*Коллектив
редакции
«Красный Север»
Л.Г. Баженова
в центре*

И снова «ребята» из «Красного Севера»

*Бывший редактор газеты «Красный Север»
Л.Г. Баженова получает поздравления
по случаю юбилея*

*Фотокорреспондент газеты
«Красный Север»
В. Рочев*

*На аэродроме Салехарда. Слева направо: заместитель губернатора ЯНАО
И.А. Ишмаев, автор книги, бывший вице-губернатор ЯНАО
М.Н. Пономарев, губернатор ЯНАО Ю.В. Неёлов,
губернатор Тюменской области С.С. Собянин*

Пришли к согласию. Слева направо: заместитель губернатора ЯНАО Н.А. Бабин, бывшая председатель правительства ЯНАО Н.А. Лукьянова, губернатор ЯНАО Ю.В. Неёлов

На торжественном пуске комплексной подготовки газа 24 апреля 2001 года.

Слева направо: генеральный директор В.И. Гиря,

губернатор Ямало-Ненецкого

автономного округа Ю.В. Неёлов,

бывший премьер-министр, депутат Госдумы РФ В.С. Черномырдин,

глава Пуровского района А.И. Острягин

*Ветеран обустройства Ямальского Севера, бывший генеральный директор объединения «Ямалнефтегазжелезобетон»
А.Л. Гончаров*

*Автор с известными на Ямале руководителями агропрома -
И.Д. Кугаевским, Н.А. Бабиным*

Ветеран геофизики П.И. Каплун

*С.Г. Кушнарченко - ветеран
строительства газопроводов
в округе с медалью Наполеона,
врученной ему в Париже*

*Делегация Ямало-Ненецкого округа на съезде малочисленных народов Севера.
30-31 марта 1990 г., г. Москва, Большой Кремлевский дворец*

*«Мертвая»
железная дорога*

*На Лабытнангской
лесобазе*

*Кино и почту
в те времена возили
на оленях
(Фото В. Рочева)*

*Выездная бригада
специалистов
Приуральского района
на фактории Глухариная*

*Оленеводы в горах
Полярного Урала
(Фото В. Рочева)*

*В этот капкан
попадет песец
(Фото В. Рочева)*

*Ямал ликвидирует
неграмотность
(Фото В. Рочева)*

*В красном уголке
(Фото В. Рочева)*

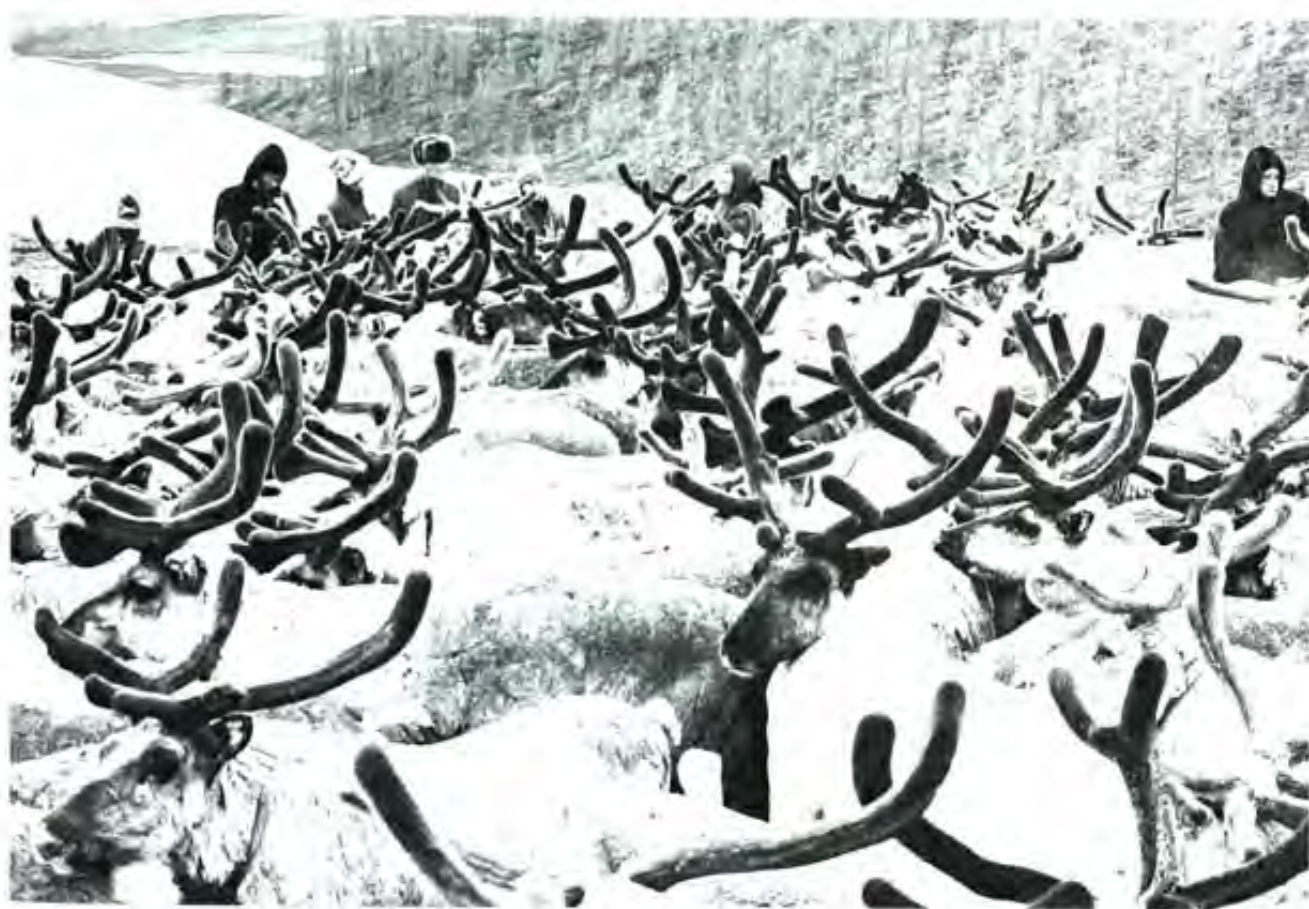

*Оленевод, депутат
Верховного Совета РФ
и СССР А.В. Вануйто*

Фактория (Фото В. Рочена)

Весна - пора срезать панты

«Харасавэй - моя биография!». Такой жизнеутверждающий плакат когда-то красовался на общежитии геологов в Харасавэе

В магазине Харасавэя дефицита не было

*Герой
Социалистического
Труда,
лауреат Ленинской
премии геолог
В.Т. Подшибякин
в рабочем кабинете
(слева)*

На буровой

*Хозяин —
буровой мастер*

*Автор книги берет
интервью у оператора
Тобольского
нефтехимического
комбината*

В.С. Марченко (в центре), рыбинспектор и отличный авиастрелок после ликвидации «серых разбойников» в районе Катравозжа

Автор книги первые свои рабочие шаги начинал в Салехардском техучастке. И в том числе был политинформатором.

*Бывший строитель КВЖД Мятлов,
наслышанный о расправах сталинского
режима над подобными себе,
навсегда остался в Китае*

*Летчик с Мыса Каменного –
И.В. Панков*

*Байконур. Психологическая разрядка, то есть в течение 15 минут перед вылетом
через толстенное стекло космонавтам Баландину и Соловьеву разрешается
рассказывать байки и анекдоты.*

У памятника Мангазею «златокопящей». Второй справа автор книги

Макет Мангазеи «златокопящей»

*На ликвидации
последствий
землетрясения в Армении
работали механизаторы
и строители
Главялбургнефтегазстрой*

Горе Армении - землетрясение

АРМЕНИИ!
твое горе

*Землетрясение в Армении. Помощь в восстановлении города Степанавана
оказывает Главялбургнефтегазстрой из Надыма*

Иллюстрации к статье «Падающие восьмерки»

*«Миша-лекар».
Старейший фельдшер
Гыды М. Яндо*

*Норвежский
фермер-оленовод
Ауто Унто*

*В этих контейнерах
привезли на Ямал
овцебыков*

Алексей Степанович Марков

Нет хлеба - в чуме на «железке» пекут лепешки

Н.Я. Будылдин на загарном лове в Новом Порту

Строганина - это первое блюдо в чуме

Оператор «Геойлбента» С.А. Михайлов

Автор книги в одежде оленевода

Интервью в чуме

*Книги учительнице
и рыбаку на память*

*Скандинавы
рассказывают о своем
оленоводстве*

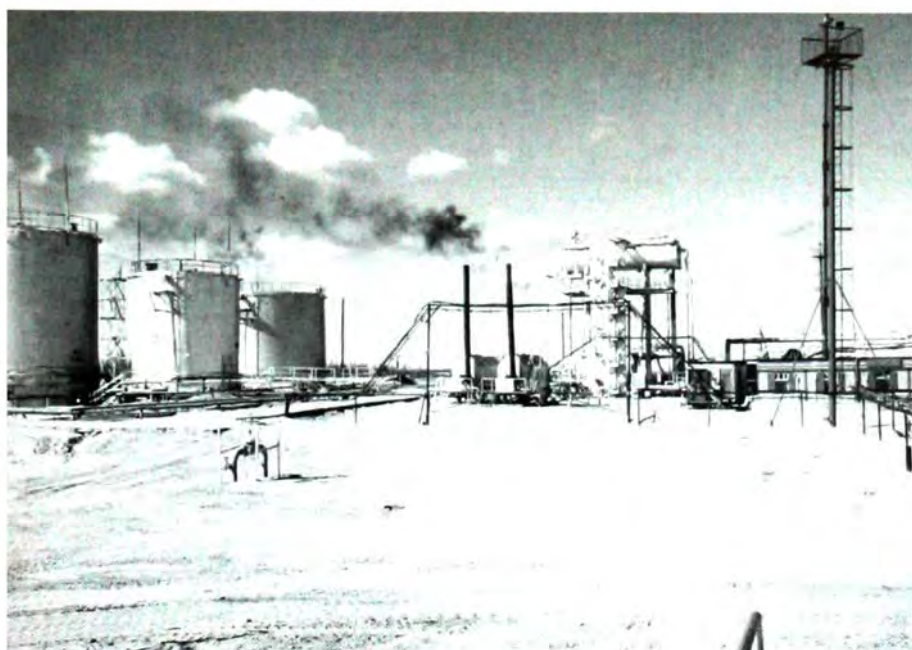

*На далеком
арктическом
полуострове Явай
у друга молодости,
рыбака и охотника -
Ганибалла Салиндера*

*Автор книги в салоне
специального
вертолета-
поликлиники,
приобретенного
Надымским районом*

*Нефтегазовый
промысел*

Телеграмма командира
морфлота Белецкого,
разрешающего автору
книги командировку
на атомный ледокол
«Арктика»

104

Телеграмма главного редактора «Российской газеты» В. Логунова, сообщающая о том, что Н. Дудников включен в группу журналистов для участия в деловой поездке Президента РФ Б. Ельцина

СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

ПРИГЛАШЕНИЕ
г. Дудников Н. Г.
Дом Советов
С О В Е Щ А Н И Е 6 августа 1991 года

Специальное приглашение-пропуск
на совещание при Президенте РФ Ельцине
в Ямало-Ненецком окрисполкоме

ЛЕНИНСК КЗЫЛ ОРДИНСКОЙ 14/9867 53 27/1 1202=

СЕРИЯ П ТЮМЕНЬ 44 ГОСТИНИЦА ВОСТОК ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ ДУДНИКОВУ
НИКОЛАЮ ФЕДОРОВИЧУ=

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СРОК ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ
7-9 ФЕ ВРАЛЯ МАРШРУТ СЛЕДОВАНИЯ САМОЛЕТОМ ДО АКТЮБИНСКА
ИЛИ КЗЫЛ ОРДА ЗАТЕМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ ДО СТАНЦИИ
ТМРАТАМ О ВЫЕЗДЕ ИЗ АКТЮБИНСКА ИЛИ КЗЫЛ ОРДЫ ПРОШУ
СООБЩИТЬ МНЕ ТЕЛЕГРАММОЙ ДЛЯ ВСТРЕЧИ-НР 9/67/11 А.КРЫЖКО-
1334 ННННН

Телеграмма командира космодрома Байконур А. Крыжко

*Участники
конференции рыбной
промышленности округа*

*Канада. За рекой
французская
колония Квебек*

*Столица
Канады Оттава*

Вечерний Нью-Йорк

*Автор книги у памятника
Мао Цзэду в Китае*

На китайских улицах

*Вот она сверхглубокая буровая. Таких буровых по мощности и размерам
в стране и в мире не наберется и десятка*

*Голландец разрешил сфотографировать свою красавицу-шарманку лишь после того,
как я спустил в его баночку монету*

На память у «четвертого чуда света» - Кельнского собора

*Джо Бараклаф - торговый представитель Канады
и автор книги у памятника индейцу Ярому Ветру*

*Мой фотоаппарат успел запечатлеть молодую арабку.
За такой поступок можно схлопотать и наказание*

*Обложка буклета открыток известного и талантливого фотомастера Ямала
Ивана Ивановича Сычева*

Николай Фёдорович Дудников

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ РЕПОРТАЖ

Компьютерная верстка А. Решетникова

Корректор Л. Юнусова

Оформление обложки А. Ушаков

Тех. редактор О. Бай

Подписано в печать 26.12.2005 г.

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,51. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1611.

Сверстано и отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север»,
г. Салехард, ул. Республики, 98. Тел. (34922) 4-53-22, 3-82-95.

E-mail: admin@rn.salekhard.ru